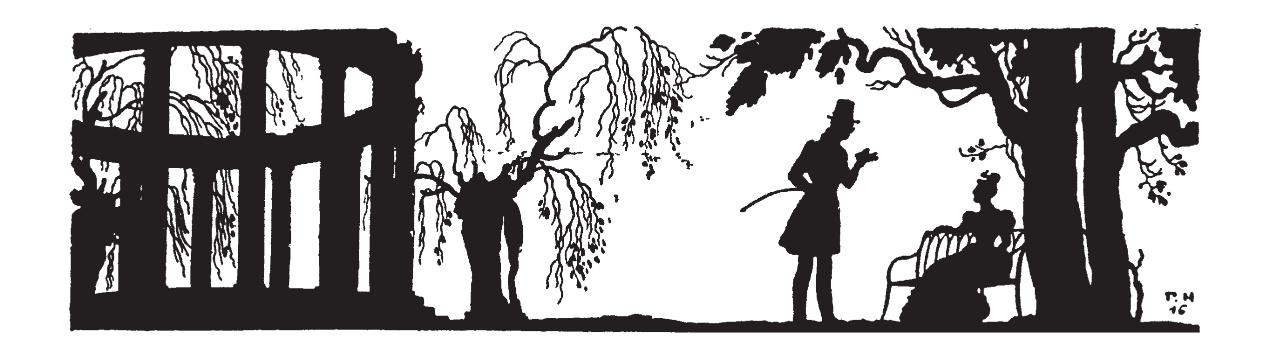

ХАРЬКОВСКИЙ УЕЗД

Основа. Ближайшая к Харькову усадьба. Собственно, ныне она находится даже на окраине города, называемой тем же именем. Принадлежит – до сих пор потомку основателя усадьбы А. В. Квитке, представителю старейшего дворянского рода.

Усадьба была населена первоначально полковником Федором Григорьевичем Донцом, но после его смерти продана была Григорию Семеновичу Квитке, и лишь при этом владетеле была застроена. Особенно процветала усадьба при внуках его Андрее Федоровиче (губернском предводителе дворянства) и Григории Федоровиче Квитке-Основьяненко – писателе. Это – старейшая из усадеб не только уезда, но даже губернии. Прекрасный парк, близ небольшой речки, расположенный на холмистой местности, переходит частью в сосновый лес (теперь – лишь его остатки), что особенно редко для губернии.

В первые годы XIX столетия здесь был построен прекрасный и обширный двухэтажный деревянный дворец с куполом на высоком барабане, с шестиколонным портиком, покрытым мощным фронтоном, в котором было окно, украшенное рустами.

Позже переделками (замена капителей дощечками, прикрепление вычурных наличников в стиле, не соответствующем стилю дворца) классическая и внушительная архитектура была испорчена, но все же еще в первые годы XX столетия дом существовал и, будучи отремонтированным, мог существовать многие годы.

Однако недолго после векового юбилея суждено было дворцу украшать старый парк. Сначала он служил театром. Позже «за ветхостью» дом снесли до основания, дабы освободить место для постройки в 1914 году, начатой на средства «жертвователя» Тамбовцева, Дворянского убежища для бывших институток...

Вдали от дороги, здесь всегда шумной, на взгорье, существует другой дом Квитки, каменный, в готическом стиле, эпохи 60—70-х годов, похожий на замок и не соответствующий своими башнями с бойницами характеру местности и края. Вблизи усадьбы была деревянная церковь (1744 года). Она сгорела в 1780 г., и на ее месте построена была в 1782 г. другая, испорченная позже переделками и ныне – безобразною раскраскою. В этой церкви и похоронены родители основателя усадьбы О. И. Квитки, Иван Григорьевич с супругою.

Вольно разросся старый парк. Уютные, тенистые дорожки заросли душистой травой, стройно высятся старые тополи, сосны смолистые шумом своим напоминают былое...

Алексеевка. Недалеко от Харькова, усадьба фон-дер-Лауниц, одна из наиболее ясно выражающих стиль *empire*. В фасаде – со стороны подъезда, – похожем несколько на фасады

боковых флигелей Государственного Банка по Садовой улице (что и дает повод думать: не построен ли дом по проекту Гваренги?), колонны и пилястры с ионическими капителями очень хороши. Удачна и рустовка нижнего этажа в боковых частях. Прекрасен спокойный по линиям фронтон. Хороши пропорции узких окон. Но, конечно, «застекленение» пространства между колоннами для получения сеней, подчеркивая известную неприспособленность для нашего климата плана, слишком точно скопированного, вероятно, с какой-нибудь итальянской виллы А. Палладио, — все-таки портит архитектуру здания.

Со стороны сада буйно разросся дикий виноград: он увил и даже закрыл колонны до самого карниза. Но все-таки здесь архитектура ничем не обезображена. И живописный заглохший уголок представляет собой дом с этой стороны!

Нельзя не отметить отличных деталей не только наружной обработки фасада (тонкие изящные балясины балюстрады, двери с хорошей резьбой, потолок террасы), но и внутренней отделки (отличная лестница, элегантные створки дверей).

Рядом с усадьбой — церковь классической архитектуры, с дорическими портиками с трех сторон; великолепна разрустованная стена (с нишами) под колокольнею. Все пропорции церкви очень стройны.

Гиевка. Дом построен Масловичем и куплен князем Святополк-Мирским, потомкам которого ныне и принадлежит. Огромный одноэтажный дом, плоский, с поднимающимися боковыми частями, украшен стрельчатыми окнами. Соединения с боковыми крыльями состоят как бы сплошь из огромных окон до полу, что дает массу света и придает французский характер фасаду здания (*Grand Trianon*).

В саду — чудесный старинный (20-х годов) домик из 4—5 комнат. Он украшен колонками и куполом.

Двуречный Кут. Усадьба, основанная полковником Шидловским и принадлежавшая Макс. Макс. Ковалевскому. Дом поздний, в стиле, отдаленно напоминающем английскую готику. Заколочены наглухо двери, досками забиты окна, балконы. Привольно разрослись кустарники вокруг дома...

Покрытый тиной пруд окружен аллеею огромных серебристых тополей. Предки не могли еще наслаждаться видом этих могучих деревьев. А потомки? Пренебрежительно бросили они все! Чудные липы, огромные березы, плакучие ивы у воды печально смотрятся в воду, пустынны лужайки в фруктовом саду и одинока урна на могиле неизвестного в саду у церкви, находящейся рядом с домом. Церковь эта, основанная в 1690 году, позже перестроена. Несколько одиноких, заброшенных могил, накренившиеся на бок памятники, заросшие травою плиты... В конце двора — старинные амбары. Таков был вид усадьбы, когда она принадлежала еще М. М. Ковалевскому.

Что сталось с нею теперь?

Бабаи. Усадьба в той же стороне от Харькова, где Основа. Расположена она близ живописной, изумрудной равнины, у подножия холма. Основана была Федором Клементьевым Бабаем, «из детей боярских, чугуевских». Прежде усадьба называлась Архангельское, в честь первого храма, существовавшего здесь до 1782 года, т. е. до храма, построенного Петром Андреевичем Щербининым. От Щербининых имение перешло к Флотта, которым поныне и принадлежит.

От старинного дома не сохранилось следов. Лишь тенистый сад напоминает о старой усадьбе. В нынешнем доме много интересных картин, особенно хороши портреты. Курьезен портрет семьи генерал-губернатора Щербинина, хороши портрет дамы с болонкой и портрет нянюшки, очаровательна акварель — вид села Бабаи вместе с усадьбой и церковью.

В усадьбе Бабаи находились и замечательные портреты работы Тропинина, ныне перевезенные в городской дом Флотта в Харькове. Эти портреты, изображающие членов семейства Щербининых, представляют огромный художественный и местный интерес. Копии Рослена — Павел I и Мария Феодоровна, Левицкого — Екатерина II, неизвестного мастера — Александр I в молодом возрасте, копии картин Рембрандта — не представляют особой художественной ценности, но бюст Александра I работы Торвальдсена — один из наиболее ценных *chef d'oeuvre*'ов усадебных коллекций Харьковской губернии.

Из предметов мебельного убранства отметим комод, два ломберных столика и отличный «бобик» *marquetrie* екатерининского времени.

Конечно, наибольшей примечательностью усадьбы Бабаи является церковь во имя Архистратига Михаила, построенная в 1782 году харьковским губернским архитектором Петром Антоновым Ярославским, дядею того самого Ярославского, выдержки из воспоминаний которого мы привели в предисловии к этому описанию усадеб. Так значится на надписи о построении церкви: «Церковь Архистратига Михаила, при Державнейшей Благоверной Государыне Екатерине II и Цесаревиче Павле Петровиче с благословения Епископа Белгородского и Обоянского Аггея, старанием Харьковского Наместника, Губернского прокурора Андреева сына Щербинина, детей его Андрея, Дмитрия, Николая и Варвары, производилась под смотрением Губернского Архитектора Петра Антонова, сына Ярославского».

Произведение архитектора Ярославского, однако, не представляет собою ничего оригинального и для него ценного. Вообще, церковь очень красива, приятна, по формам, выполнена правильно, любовно, но — это почти копия лютеранской церкви Св. Анны на Фурштадтской, построенной Фельтеном. Однако дата построения последней — 1789 год наводит на раздумье. Ведь не Ярославского же копировал Фельтен? Невозможно допустить, тем более, что кто-либо мог знать в Петербурге о постройке церкви в такой глуши, какою была в то время Харьковская губерния! Очевидно, или дата построения (1782) церкви в Бабаях неверна, или оба зодчих пользовались одним источником, тем более что изумительною общностью отличается и план! Все-таки надо предположить заимствование Ярославским и из того соображения, что церковь в с. Бабаи выполнена хуже (ее архитектура как бы упрощена), нежели Анненкирхе на Фурштадтской.

Полукруглая ионическая колоннада портика одинакова у обеих церквей. Но в петербургской церкви она покрыта балюстрадой, а в Бабаях ее нет. Фонарь с парными колонками покрыт прелестным карнизом, в Бабаях карнизы тупы, а окна заменены арками для звона. Главное полукружие портика примыкает к храму в Бабаях почти «неграмотно» — полуколонной, тогда как на Фурштадтской это сложное и серьезное место решено очень удачно, переходом к пилястрам. Также плохи пьедесталы пилястров барабана и вовсе неумелы капители их.

Боковой фасад лучше. Парные пилястры и круглые окна между ними распределены удачно. Великолепны по уюту и «провинциальному» оттенку архитектуры угловые башенки церковной ограды. Грубоваты рустованнные грани этих башенок, но зато очаровательны вазочки на куполах, четко выделяющиеся на темной зелени деревьев. Вместе с башенками церковь на фоне деревенского пейзажа представляет в своем роде не меньший интерес, чем Анненкирхе в Петербурге, затиснутая ныне среди каменных громад домов.

В церкви — очаровательный, окрашенный в зеленый с белым тона, иконостас. Он хорош по общему спокойствию в распределении и пилястр, и царских врат. Иконы в обрамленьях, соответственного всему храму стиля хотя и закрывают пилястры, но нисколько не портят архитектуры. Восхитительны створки царских врат с гирляндами и ветками виноградной лозы. Очень стильны арматуры на рамах икон и доски с лентами над боковыми вратами; прелестны

вазочки, поставленные наверху иконостаса. Вообще, все до мельчайших деталей выполнено в стиле Людовика XVI, напоминает отдаленно обработку фасадов дворца в Мерчике и наводит на волнующую мысль, не Ярославский ли архитектор дворца? Там мы увидим такую же любовь к гирляндам, так же отлично выполненные банты, ленты, вазы. В таком случае, вот имя зодчего, которое должно бы было стать в ряду имен лучших русских зодчих XVIII века, работавших в России. Понятною тогда станет и та протекция, которою пользовался его племянник В. И. Ярославский и благодаря которой последний стал Херсонским губернским архитектором. Очевидно, во всяком случае, что дядя его был зодчим выдающейся величины в Харьковской губернии. Но странно, что В. И. Ярославский ничего не говорит о работе своего дяди вообще, а в Мерчике, в частности.

У церкви находится недурной памятник Елизаветы Павловны Щербининой, 1860 года, и Михаила Андреевича Щербинина – 1841 года, в виде креста и двух ваз.

Сосновка. Усадьба недалеко от Золочева и Казачьей Лопани, затерявшаяся в ложбине, среди деревень и фруктовых садов. Небольшой, но уютный и поместительный дом, с несколько странными формами архитектуры, построен был Ковалевским, потом перешел к Орфеновым. Портик главного фасада из четырех, на разное расстояние расставленных колонн. Карнизы, особенно фронтона, очень плохи – суховаты и неправильны. Еще курьезнее фасад, выходящий в сад. Здесь между плоских, канелированных пилястр зажаты большие, тройные окна со странными маленькими арочками над ними. На фронтоне надпись «1823 – 23 мая» – дата построения. По указаниям владетелей, это дата ремонта и перестройки зала, а построен дом 135 лет тому назад, т. е. в 1790 году, что допустимо, особенно, если принять во внимание, что дом подвергся переделкам, а искаженные детали – следствие ремонта. Внутренние же детали – стиля *Louis XVI*.

Но самым странным в доме является двухсветный зал, покрытый купольным сводом, когда-то это была церковь и, может быть, инославная, ибо на хорах стоит до сих пор орган. Пропорции зала придают ему жуткий характер. По рассказам, когда-то в зале был аквариум и купол был опущен искусственно застекленным потолком для получения меньшей высоты. В доме интересны портреты в отличных рамах. Внутренняя отделка не лишена стиля. Хороши створки дверей с гирляндами. Отметим еще часы, столики, стулья и живопись в клеймах на хорах.

Карасевка. Усадьба Хрущовых, неподалеку от предыдущей усадьбы, также среди холмистой местности, архитектурного интереса не представляет. Но в доме имеется несколько заслуживающих особого внимания предметов искусства.

Портрет Кондратьева, предка и родоначальника Харьковского дворянства, подобно Донцу и др., фамильные портреты Хрущовых, великолепный комод, столики *marquetrie* времени Екатерины II и очень интересные часы.

Должик. Царскими грамотами от 23 февраля 1700 г. и от 13 апреля 1701 г. утверждены были земли с. Должика в вотчинное владение за Григорием Ерофеевичем Захаржевским, прозванным и утвержденным «Донцом» за славные подвиги с донскими казаками, за дела с татарами на реке Донце, в царствование Царя Алексея Михайловича. Мая 5 дня 1669 г. дана была грамота Харьковскому полковнику Григорию Донцу «за их к нам Великому Государю прежния и нынешния службы и разорение, что им учинилось от изменников, от Крымских и Ногайских татар после измены Ивашки Брюховецкаго и за осадное сидение велели им: а) простить пошлины за продажу вина 2225 руб. 50 коп. б) впредь для нашего великаго Государя полковыя службы велели мы безоброчно промышлять в городах Харьковскому полку».

Первая постройка в с. Должике – храм, посвященный Св. Иоанну Предтечи, с молитвой полковника Григория Ерофееевича Донца в 1700 г. Церковь построена была на площади в селе

и перенесена в 1746 г. в усадьбу. Придел ее в честь Владимирской иконы Божьей Матери построен в 1746 г. кн. Я. Н. Крапоткиным, женатым на дочери Феодора Григорьевича Донца. Придел реставрирован в 1860-х годах князем Феодором Григорьевичем Голицыным. Храмоздатель кн. Я. Н. Крапоткин не дожил до освящения его – умер и похоронен в храме 5 октября 1746 года архимандритом Варлаамом Тишнинским, а в середине октября того же года храм освящен преосвященным Антонием Митрополитом, который «печатал архипастырским жезлом гроб князя», как говорит фамильная летопись.

Другой придел «устроен усердием надворного советника Дмитрия Петровича Щербинина, сыном дочери кн. Я. Н. Крапоткина, Татьяны Яковлевны Щербининой в 1769 г., во имя Иакова брата Господня».

В храме имеются: Крест серебряный вызолоченный, Икона серебряная и священные вещи 1748 г. Книги: Евангелие 1703 и 1741 гг.; Апостол 1756 г.; Триоды 1693 г.; Требник 1746 г.; Минея 1734 г.; Ирмос нотный, написанный в 1720 г. Похоронены при церкви с. Должика: 1746 г. кн. Яков Никитич Крапоткин; 1824 г. Дмитрий Петрович Щербинин; 1828 г., София Веселовская; 1839 г. – Павел, 1843 г. – Вера, 1848 г. – София, 1848 г. – Анна Веселовские; 1848 г. Княжна София Федоровна Голицына, 1852 г. Княгиня Мария Михайловна Голицына 1853 г. Кн. Михаил Голицын, 1853 г. Кн. Мария Голицына и в последующие годы: кн. Феодор Дмитриевич Голицын, Кн. Вера Дмитриевна Голицына, Кн. Дмитрий Федорович Голицын и Кн. Сергей Феодорович Голицын.

Вот вкратце история владетелей Должика: в 1860 г. пожалованы земли Должика Григорию Ерофеевичу Донцу, в 1700 г. они перешли к его сыну Феодору Григорьевичу Донцу. В 1724 г. его дочь Прасковья Феодоровна Донец вышла замуж за кн. Якова Никитича Крапоткина, а в 1746 г. его дочь кн. Татьяна Яковлевна Крапоткина вышла замуж за Петра Андреевича Щербинина. В 1776 г. их сын Дмитрий Петрович Щербинин владел Должиком. В 1824 г. его дочь София Дмитриевна Щербинина вышла замуж за Михаила Степановича Веселовского, его дочь Мария Михайловна Веселовская вышла замуж за князя Феодора Григорьевича Голицына, его сын (1852 г.) кн. Дмитрий Феодорович женат на графине Марии Александровне Сиверс (дети их Александр, Сергей и Елизавета).

Как видно из перечня владетелей, в период построения дома (и одного из приделов церкви) собственниками Должика были Щербинины. Таким образом, строителем дома, определенно носящего отпечаток стиля конца и даже второй половины XVIII века, т. е. еще не *empire*, а скорее *Louis XVI* – являлся Щербинин. В период времени от 1776 по 1824 год, во всяком случае, возникла нынешняя усадьба. Таким образом, не Петр Андреевич Щербинин, а сын его Дмитрий Петрович является основателем Должиковского дома.

Едва ли М. С. Веселовский, женившийся на дочери Д. П. Щербинина, прибавил много. Пожалуй, к этому времени относятся только некоторые служебные постройки Должика – особенно оранжереи в типичном стиле *faux gothique* эпохи Николая I. Ко времени начала владения Должиком Голицыными отнесем беседку в стиле *mauresque*. Самый же дом и первоначальная разбивка усадьбы с садом, оградою и воротами, конечно, не позднее начала XIX столетия.

Большой дом со стороны въезда ныне несколько видоизменен переделкою колоннады подъезда. Конечно, эта деталь – «тамбур», – приклеенная к фасаду, далеко не украшает его. Благородный общий силуэт главного фасада украшен гербом, помещенным над балюстрадой аттика. Кроме рустовки (очень мелкой, изобличающей именно стиль раннего классицизма) на боковых частях фасада и около среднего окна, до наличников окон ничто не украшает дома. По верху террасы (над колоннадою) идет прелестная (но поздняя) ампирная решеточка.

Очевидно, вначале колоннада с полукружием в средней части представлялась в ином виде, Конечно, не застеклены были «междуколонья» выступа (что так утяжелило колоннаду и дало ей вид именно тамбура) и «незасоренная» трельяжем, в чистом виде, колоннада представляла более стильный вид. Наступило время, когда считалось скучным ограничиться колонной как украшением. Былая гордая эпоха любви к классицизму миновала, и всячески старались украсить, «задекорировать» холодные, сухие, как казалось, линии колонн. И вот в Должике устраивают трельяж, закрывая им колонны без всякой надобности.

Фасад со стороны парка несколько искажен, но в меньшей степени. Здесь лишь зелень обвивает колонны так густо, что пропадает архитектурная композиция фасада, вся сила которой была именно в том, чтобы два выступающих бока фасада связать вместе с помощью колоннады.

Так и в Должике колоннада садового фасада совершенно закрыта зеленью: видны лишь драни трельяжа. И в то же время владетели гордятся ныне «колоннадою» серебристых тополей у пруда, где стволы столетних гигантов образуют подобие анфилады колонн!

Хорош боковой фасад дома. Небольшая колоннада в виде портика образует балкон: весь фасад разрустован. В тимпане фронтона огромное, смелого очерка, полукруглое окно.

На крыше дома помещен бутафорский шпиль. Покоится он не на куполе или шатре, а просто на легкой, деревянной ротондочке, врезающейся в крышу. Но это несколько наивное и вовсе не конструктивное, а искусственное украшение оставляет скорее милое впечатление. Таковы достоинства и ущербы фасадов дома. Из других построек усадьбы, повторяем, следует отметить очень хорошую оранжерею и находящиеся по дороге к ней церкви, амбары, тоже не без оттенка стиля *faux gothique*.

Внутри дом представляет, несомненно, более богатый вид. Особенно хороша гостиная, выходящая окнами в сад. Здесь род лоджии, за колоннами, с чудесной росписью плафона. Колонны тоже нарядны. В зале, несколько чопорном, типичны готические предметы мебельного убранства (хотя и поздние по времени) и фамильные портреты, длинные, в черных, готических рамах. В кабинете интересны украинские портреты и портрет князя Кропоткина. В гостиной отличное пейзажное полотно (не кисти ли Пуссэна?), портреты-копии (распространенные копии Рослэна – Павел I и Императрица Мария Феодоровна), портрет графа Сиверс и другие картины.

Очень своеобразна лестница с чудными балясинами перил. По стенам лестничной клетки панно, расписанное на серой бумаге, подклеенной на холст. Сюжеты – скачки на фоне фантастических парков. В уютных, теплых комнатах антресольного этажа много интересной мебели, фарфора и прочих милых вещиц прошлого столетия.

Рогань. По дороге из Харькова в Чугуев, в унылой безлесной местности. Эти земли, когда-то принадлежавшие сыну князя Константина Феодоровича Кантемира, молдавского господаря, и его потомкам: князь Дмитрий Константинович переселился в Россию при Петре Великом. Сын его, Антиох Дмитриевич был известным сатириком конца XVIII века. От них усадьба перешла к Пассекам, и, в частности, Рогань, еще недавно принадлежавшая Пассекам и князьям Шаховским, продана Харьковскому Поземельному Банку. Никаких построек самой усадьбы не осталось. На месте дома – ныне фабрика, исчез парк, жалкие следы его оказались где-то на фабричных задворках. Часть сада принадлежит школе, но здесь лишь одичавшие вишни и сливы напоминают о былом...

Надо выйти в поле, на окраину деревни, перебраться через несколько типичных украинских «перелазов», пробраться через заросли конопли, чертополоха и исполинские листья лопуха, привольно разросшегося на тучной земле, быть может, прежде здесь бывших цветников и огородов, для того, чтобы за дощатой оградой сада, на небольшом холме, среди высокой, степной

травы, живописно окруженный кустами калины, шиповника и деревцами дикой груши, увидеть мавзолей-памятник кн. Кантемиру. Известно, что кн. Антиох Дмитриевич Кантемир похоронен в Никольском Греческом монастыре в Москве. Поэтому надо предположить, что это часовня не на его могиле, а на могиле или его отца, или деда, или же, что она поставлена на могиле одного из потомков — двоюродных братьев. В таком случае — и это кажется наиболее достоверным — мавзолей сооружен на могиле отца последнего в роду, сына Дмитрия, Константина, генерал-поручика, умершего в 1776 году, т. е. двоюродного брата сатирика, кн. Константина Дмитриевича и его жены Софьи, рожденной Пассек. Поставлен был мавзолей в 1790-х годах, вероятно, одновременно с постройкою церкви (1798 г.). Последний в роде кн. Дмитрий Константинович Кантемир, полковник, лишился рассудка и, просидев 17 лет в крепости, умер. С его смертью пресекся род князей Кантемиров. (Едва ли часовня-мавзолей поставлена в 1820-х годах: архитектура ее более ранняя).

Поставлена ли была эта часовня на любимом месте предпоследнего в роде князей Кантемиров? Находилась ли она в парке, в конце аллеи? Кто ответит теперь на эти вопросы?

Мальчишки-пастухи, укрывающиеся от дождя в руинах мавзолея и из озорства ломающие и без того ветхие стены? Молоденькая, розовеющая учительница школы? Евреи-факторы или фабриканты, дожидающиеся удобного случая, чтобы купить и разобрать «на кирпич» мавзолей?

Многолетний седой ковыль да кусты выносливой, живучей жимолости знают только о том, что тут происходило. Заколочены были досками арки барабана, двери. Чтобы хоть немного предохранить от порчи памятник, забили досками вход. Но снова чьи-то нетерпеливые руки, жаждущие скорейшего разрушения постройки, отбили доски. Вероятно, упал крест с купола, чьим-то попечением он был поставлен на место, однако, кажется, что вот-вот он снова рухнет: почти кощунство — ведь это была часовня, храм!

Облупилась в значительной степени штукатурка с мощных, дорических парных колонн. Только где-то сохранились модульоны карниза, венчающего ротонду. Очевидно, лет тридцать, а может и полстолетия прошло с тех пор, как никакой ремонт не был здесь произведен. Ничья рука заботливо не прикасалась к стенам монумента, быть может, еще большее количество времени. Да, может, и к лучшему? Как знать, какой ремонт мог быть здесь произведен? Пока, сейчас, живописные руины ласкают взгляд. Но только надолго ли? Трещины в потолке галереи и полный разгром внутри не обещают, как будто, продолжительного будущего. Почему же в такое состояние пришел этот мавзолей прекрасной архитектуры? С пресечением рода кн. Кантемиров, после смерти последнего в роде К. (в 1820 году), земли перешли сначала в казну, потом к гр. Булгари, затем наступила тяжба с кн. Шаховскими. Все эти перемены собственников не могли не отразиться на состоянии монумента. По возвращении П. В. Пассека из Сибири, земли частью перешли к нему. И имением Рогань в 1873 году завладел также Помпей Васильевич Пассек.

Вот, кажется, последняя дата, когда еще более или менее за памятником смотрели. В часовне-склепе, в которой похоронены были князь Константин Кантемир и третья жена его Софья Богдановна Пассек, совершалось еще богослужение. Но если еще сын кн. Константина, полковник кн. Дмитрий, чтя память отца, поставил на могиле часовню (за 22 года до своей смерти и за три года до потери рассудка), то неблагодарным родственникам Пассекам, — получившим, однако, по наследству большое состояние Кантемиров, — совесть не подсказала, что надо отнестись с уважением к останкам того человека, которому они обязаны всем своим благосостоянием: ведь все эти имения были не Софьи Богдановны, а Кантемировы!

После продажи земли Харьковскому Земельному банку памятник-часовня был окончательно предан забвению.

По сведениям, которым, впрочем, нельзя особенно доверять, часовня якобы сооружена на могиле Кантемира в 1828 году кн. Чернышевой (?) во имя святых Константина и Елены. Едва ли столь поздно возникло такое старинное сооружение. Скорее, год его построения совпал с годом постройки церкви.

Более 30-ти лет богослужения в храме-часовне не производилось. В состояние такого запустения пришла часовня, к которой и тропинка заросла бурьяном, что пришлось часовню закрыть. Воспользовавшись этим и законом об упразднении святынь, приходящих в несоответствующий святыне вид, местный священник, получив указ Харьковской Духовной Консистории от 14 марта 1906 года за № 9038 о разрешении упразднить часовню, предал сожжению иконостас, а всю утварь перенес в Вознесенскую церковь.

Церковь эта, построенная в 1789 году иждивением кн. Д. Кантемира, прекрасно сохранилась до сих пор. Архитектура ее напоминает о периоде раннего классицизма, т. е. о времени зодчего Старова. Рустованный первый ярус, ниши во втором и барабан (под куполом) с лукарнами и шпилем, такова колокольня – немного приземистая, тяжелая, но хороших пропорций! Храм украшен портиком дорических колонн. Паперть образована, кроме выступа колонн, родом ниши во входной стене. В этой общей большой нише вставлены малые. С южной и северной сторон колонны примыкают непосредственно к зданию. Барабан купола церкви тоже прорезан круглыми окнами. Вокруг церкви неуютная, неприветливая, пустынная местность. Жалкие, чахлые деревца, разрытые ручьями глинистые овраги и бумажная фабрика Цейтлина, испускающая зловоние...

Такова ныне усадьба, бывшая князей Кантемиров!

Константиевка. Усадьба, основанная Донец-Захаржевским, ныне графа Головкина-Хвощинского, – почти на границе Харьковского и Змиевского уездов, в живописной местности среди холмов, поросших кустарником и лесами.

Издали привлекателен общий вид усадьбы. Среди золотистых полей пшеницы и овса, на густом зеленом фоне старинного парка, вырисовываются церковь и большой дом, скомпонованный в одно целое со службами. У церкви высокая ограда, подпертая контрфорсами.

И дом и церковь, как вообще вся усадьба, были построены надворным советником Андреем Михайловичем Донец-Захаржевским в 1797 году. Последний в роде, Дмитрий Андреевич, был задушен племянником своим Похвисневым. С тех пор усадьба перешла в другие руки. И печальна ее судьба! Судя по теперешнему состоянию ее, она уже давно мало интересовала владетелей... Войдя через старинные ворота в обширный двор, мы увидим в глубине его большой, странный, жуткий, с облупившейся штукатуркою, с заложенными кирпичом окнами, трехэтажный дом. Вокруг двора расставлены в большой скомпонованной последовательности службы. Из этих построечек один флигель на левой от дома стороне сохраняет свою, очень простую, но красивую архитектуру. Квадратному двору предшествует полукруглый. Его обрамляет ограда из каменных столбов. В начале ее – два хороших павильона. Флигели связаны с домом крыльями. Дом сохранил хорошо лишь то, что было повыше, что было наименее доступно для рук человеческих: фронтоны на боковых, выступающих частях, с прорезанными в них полукруглыми окнами.

Все остальное изуродовано до неузнаваемости. Так, в средней части была – это ясно видно — колоннада. Теперь она заложена. Вместо нее пристроен нелепый, грубый, годный для сарая навес, под которым и свалены всякие предметы сельского хозяйства.

Большая часть окон заложена кирпичом. Были опасения за целость дома? Укрепляли ли подобными мерами стены или просто применили этот род наиболее простых и дешевых рам и оконных переплетов?

Трудно сказать. Но не важны причины. Гораздо существеннее и характернее то, что кирпич на закладку окон был взят из этого же дома. Для получения его разобрали не флигель, не сарай, а колонны портика со стороны главного фасада и колонны прелестного полукруглого выступа со стороны сада! Впрочем, использование камня, кажется, распространилось и на постройку третьего этажа колокольни. Такое приложение материала можно было бы считать еще более или менее оправдывающим. (Конечно, как цель, но не как средство получения кирпича!) Но, к сожалению, если это было так, вина строителей усугубляется: надстройка, как увидим ниже, только испортила церковь.

Итак, мы видим, что дом нещадно изуродован. Особенно печальный вид являет он со стороны сада, где купол выступающей части напоминает о прежнем великолепии дома, а зияющие, черные дыры гнезда балок на уровне пола второго этажа обнаруживают отсутствие балкона. В тенистом саду сохраняется еще несколько полуразрушенных сооружений. Внутри дом обращен в склад (наверху) и в конюшни (нанизу)! Вот еще причина, почему «заложены» окна.

Лишь в одной верхней зале (полукруглой) сохранился чудесный паркет. Все остальное растащено, попорчено. Своды двух внутренних, трехмаршевых лестниц были, вероятно, красиво убраны росписями.

Доныне росписи сохранились только в зале нижнего этажа. Зал этот, очень напоминающий Ляличский, прекрасно расписан по своду. С одной стороны зала — хоры для музыкантов в виде арки с двумя подпирающими ее столбами. Роспись — орнаментальная, но в широких плоскостях помещены и изображения белых лебедей, и гербы бывших владетелей усадьбы. Характерные тона: на синем фоне белые и зеленые орнаменты, в углах плафона — лиры. Колорит несколько резкий и яркий. Но в общем росписи хорошего рисунка, отличной композиции, и более чем странно видеть теперь такой плафон в конюшне! Даже больше: здесь помещаются и свинарня, и склад всяких ненужных повозок: зал ведь достаточно вместителен!

Но в летописях Харьковских усадеб такое явление заслуживает быть отмеченным сугубо. Довести до такого состояния дом-дворец, чтобы использовать зал под свинарню — для этого надо, кажется, действительно обладать всеми чертами диких народов. Многое оправдывается и в невольном вандализме. Здесь, при изобилии, тут же рядом с домом расположенных всяких построек, такой вандализм не простителен. Он должен быть отнесен целиком за счет владельца усадьбы — графа Головкина-Хвощинского, никогда, кажется, не заглядывающего в свои угодья...

Ныне в домике живет арендатор. За оградой — тут же, на небольшом холме расположена усадебная церковь. Она очень напоминает церковь в с. Бабаи. Но если архитектура ее, 1797 года, и проще церкви в имении бывших Щербининых, то зато не только со стороны паперти, со стороны абсиды, она окружена более красивой колоннадой.

Построена она, как свидетельствуют документы, в 1797 году надворным советником Андреем Михайловичем Донец-Захаржевским.

Первоначально колокольня была тоже двухэтажная (не считая колоннады, собственно, церкви), хотя второй этаж ее был деревянным с боевыми часами. Эта вышка была доделана сыном строителя, последним в роде, Дмитрием Андреевичем Донец-Захаржевским. В 1901 году выстроен был второй каменный ярус, конечно, не вполне согласно с проектом, одобренным Духовной Консисторией и Св. Синодом и, наверное, без всякого ведома Императорской Археологической Комиссии.

Иконостас в храме переделан по типу иконостаса в Бабаях. Но, хотя изуродованы колонки (как бы перерезанные), все-таки вазочки на аттике и капители очень хороши. Купол в храме кессончатый, расписной (позднее), в парусах также роспись. Особенно хорош в притворе киот,

окрашенный в голубой и золотой тона, т. е. так же, как и главный иконостас. У киота очень милый пьедестал, в нише которого – ваза. Здесь же люстра ампир – все пожертвования Донцов.

Липцы. Село, к окраине которого, состоящей из огородов, сочных зеленых лугов, садов фруктовых, с мелькающими кое-где среди зелени амбарами, скирдами и ветряными мельницами – примыкает совсем небольшая усадьба.

На первый взгляд, она даже не похожа на усадьбу: обыкновенный, характерный для этих мест, одноэтажный домик с колонками. Но традиционный, обширный двор перед домом, службы, более или менее систематически расположенные по краю двора, старинный парк за домом – все это указывает на то, что здесь жили всегда и живут теперь помещики. Обойдя дом вокруг, окончательно в этом убеждаешься. Прелестные уютные террасы с обеих сторон дома. Широкая лестница, тоненькие, элегантные перила балясин, гладкие выступы с боков. С подъездного фасада колонки поставлены попарно, со стороны сада – на равных расстояниях. В общем, архитектура дома проста, незатейлива, но очень благородна и, конечно, гораздо более художественна, нежели внешность многих огромных, богатых «замков» и «вилл», за последние годы построенных в Харьковской губернии.

Дом, ныне принадлежащий Арсению Ивановичу Маркевичу, построен был помещицей Майковской при Екатерине II. На первый взгляд, архитектурные данные как будто не соответствуют таким данным. Но стоит только войти внутрь дома, чтобы непреложно убедиться в правильности этого показания. В доме остались печи со времени основания его. И если даже (хотя нет к тому никаких новых доказательств) были изменены наличники окон, то все-таки самый домик мог быть конца XVIII века.

Печи кажутся даже еще более старинными. Их несколько. Одна – совсем елисаветинского времени. Глубоко-синяя с белым, с колонками из разных небольших кафель, многоярусная и очень затейливая, с массою карнизов сложнейшего профиля. Печь немного попорчена, но в общем является лучшим образцом XVIII века. Другая печь с лежанкой типична по формам, но менее интересна по рисунку. Еще одна печь из кафель с изображением белых вазочек, перевитых зелеными лентами и с вырастающими из них клубничными листьями.

Четвертая печь в китайском вкусе из разных кафель. Прелестны пейзажи внутри раковинок, на фоне которых китайцы проделывают разные фокусы. Тона – темно-зеленый с палевым. Все эти детали эпохи увлечения «китайщиной» указывают на время, во всяком случае, не позже Екатерининского, а может и Елисаветинского. Печи достойны лучших образцов эпохи.

БОГОДУХОВСКИЙ УЕЗД

Лютовка. На пересечении двух больших дорог – Муравской и Сумской. Преданиями овеяны эти дороги. Здесь было место лютое. Грабежи и убийства прославили этот, когда-то дикий угол Харьковской губернии. В XVIII веке Лютовка принадлежала знатной в Украине фамилии Хорватов. На месте старой усадьбы мало что сохранилось. Хорошие сараи, амбары и флигеля. В старом саду есть отличный, покрытый куполом, мавзолей с хорошим карнизом и модульонами. Старая церковь построена в 1765 году генерал-майором И. Хорватом. В 1809 году Лютовка была куплена капитаншей М. А. Желтухиной, сын ее в 1834 году построил церковь. Позже имение продано было статс-даме, графине К. П. Клейнмихель, владевшей соседним имением.

Церковь, недавно сгоревшая, представляла собою, несомненно, хорошую постройку в классическом стиле 40-х годов. Уже по общему плану вместе с оградой, хорошо прорезанной арками, пространство между которыми разрустовано, видно, что проект составлен был опытным зодчим. Отдельно расположенная церковь позже была соединена с колокольнею трапезной. В церковной наружной архитектуре прелестна была обработка из дерева стен. Внутри убранство стен было несколько холодно. Но зато иконостас блистал великолепием. Овальные иконы, гирлянды и вся обработка создавали один из лучших иконостасов в губернии. Он был и достаточно велик, и хорош в деталях (арматура). Окраска его – коричневая с золотом и белым, была полна благородства. Хороши были также и киоты.

В новом доме Лютовской усадьбы, ныне принадлежащей гр. Н. В. Клейнмихелю, находится много интересных старинных предметов. Одна из гостиных обставлена мебелью из квартиры историографа Карамзина, находившейся в доме, не так давно сломанном на Морской улице в Петербурге.

Здесь хорошие кресла, витрины и столы тех времен. Несколько предметов из других собраний: люстра, жирандоль, часы; экземпляр Истории Государства Российского с автографом: «Екатерине Андреевне Карамзиной, жене добродетельной и другу милому, истинной половине моего сердца, с которой 14 лет делю радости и печали житейские; но и в самых печалях счастливый ее нежностью и в самых радостях благодарю Бога за верную подругу моей жизни. Николай Карамзин С.–Петербург. 3 февраля 1818 года».

В зале есть несколько предметов, достойных лучшего мастера: они привезены из дворца в Хотени. Особенно привлекательны клавесины, ломберные столики и стулья в формах раннеекатерининского времени.

Малыжина. Усадьба, принадлежащая ныне А. К. Павлову. Основанная полковником Осиповым-Перекрестовым, она построена была в 1823 году помещиком Павловым, получившим ее в свою очередь от Лесницкого, потомка Осиповых. В храме – чудотворная древняя икона 1770 года. Дом в Малыжине простой, но очень приятной архитектуры, с дорическим портиком со стороны сада. Хороши службы в Малыжине, с полукруглыми окнами, второго этажа. В Малыжине есть еще другой дом с очень типичными для Украины тоненькими колонками боковых портиков. Принадлежит он г-же Засядько.

Матвеевка. Усадьба Д. Н. Кованько, на реке Рабыне; помещичий дом не представляет ныне ничего замечательного наружной своей архитектурой.

Внутри – великолепные печи стиля Екатерининского времени, но, вероятно, поставленные на место позже. Гирлянды, венки и другие типичные орнаменты стиля Людовика XVI. Фонари с хрусталем, картины в старинных рамах, мебель Николаевского барокко – все вместе образует очень уютный *interieur*. Из портретов особенно типичны: изображение А. Н. Кованько, рожденной Лесницкой, портрет основателя усадьбы, полковника Осипова (предка владельца), изображенного в казакине и плаще, подбитом горностаем.

В Матвеевке великолепен храм 1840 года, построенный Даниилом Лесницким. Храм очень оригинальной формы, напоминающей однокупольные украинские церковные постройки. В плане он почти круглый, с пилястрами, членящими стену на несколько частей. Барабан покрыт коническим куполом. Эти данные говорят даже за то, что храм много старее по времени построения.

Пархомовка. Усадьба, основанная тоже полковником Перекрестовым, позже отобранная у него, была подарена Екатериной II графу М. Подгоричани. Здесь существует церковь, построенная Подгоричани, оконченная в 1780 году. Имение перешло позже к Вучичам и ныне, равно как и Каплуновка, принадлежит наследникам И. И. Харитоненко.

Здесь сохранился дом очень своеобразной архитектуры, не подходящий ни под один из усадебных типов Харьковской губернии.

Очевидно, Подгоричани, обладая пристрастием к итальянской архитектуре, хотел построить дом в стиле флорентийских дворцов. Поэтому окна второго этажа украшены наличниками в готическом характере, затем под широким карнизом средней части дома тянется фриз, в котором прорезаны маленькие оконца такого же типа, как во всех итальянских домах. Самое членение фасада на три части, с подымающимися выше середины дома, покрытыми двухскатною крышею, частями, – вполне итальянское. Конечно, опрощение форм итальянской архитектуры здесь огромное, и только отдаленно можно догадываться о первоисточнике.

Перекрестовым основана и усадьба **Каплуновка**, перешедшая позже к Голицыным и ныне принадлежащая наследникам И. И. Харитоненко. От дома не осталось следов. Сохранилась деревянная церковь конца XVII в., очень интересная. В селе близ старого помещичьего сада стоит великолепный пятиугольный храм – собор, построенный (кем?) в 1798 г. Он грандиозен. Широкими проходами, мощеными каменными плитами и окаймленными старыми липами и кленами храм соединяется с отдельно стоящей колокольней. Особенно хороша эта колокольня с дорическим портиком, плотно прижатым к массиву здания. Прекрасны пропорции арки для звона второго яруса и верха из барабана (с лукарнами), покрытого куполом. Типичны для раннеекатерининского времени выступы с боков у колокольни. Эта часть архитектуры напоминает приемы композиции Старова. Храм покрыт обширным барабаном с полукруглыми окнами. Купол плоский, со ступенчатым переходом к барабану. К сожалению, окна барабана испорчены переделкой наличников в русском стиле. От самой усадьбы в Каплуновке не осталось никаких следов. Внутри семиярусный богатый иконостас стиля барокко, времени Елисаветы. Интересна ризница, где хранится ряд предметов из облачения и утвари, пожертвованных Императорами со времени Петра, а также плащаница – дар Мазепы.

ВАЛКОВСКИЙ УЕЗД

Мерчик, на берегу реки Мерчика, очень живописного холмистого оврага, использованного при разбивки парка для устройства прудов, каскадов и всяких лестниц и аллей.

Основатели усадьбы, помещики Григорий и сын его Феодор Шидловские, застали еще в Екатерининские времена (судя по переписи 1724 года) вполне обстроенную усадьбу, причем старый дворец Лаврентия Ивановича Шидловского был целиком сломан при постройке нового дома.

Нынешняя усадьба сооружена Г. Р. Шидловским в конце XVIII века, вероятно в 1776—1778 годах. От Шидловских усадьба перешла к Духовским, которым принадлежит и поныне.

Уже подъезжая к усадьбе по улице, застроенной каменными, солидными сараями, амбарами в одном определенном стиле, догадываешься о том, что там дальше, за купами зелени, будет что-то значительное...

Предчувствия не обманывают. Действительно, свернув с большой, проходящей через село дороги в переулок и проехав мимо старинной, но, в общем, обычной церкви в раннеклассическом характере с куполом и портиками и гораздо более интересных служб, и миновав еще одни ворота, — сразу попадаешь в обширный *cour d'honneur* и забываешь о том, что находишься в селе, в глуши, в России...

Представляющаяся взору картина настолько интересна, богата и изысканна, что не верится, как в такой сохранности могла уцелеть доныне усадьба Екатерининского времени!

Мы уже говорили в предисловии о том, что мастером, создавшим Мерчик, мог быть во время постройки его лучший Екатерининский зодчий. Но ничью «руку» не напоминает архитектура дворца. Только есть что-то общее в деталях (а может только и было общего, что мастера-лепщики?) с церковью в Бабаях! И если доподлинно известно, что последнюю строил архитектор Ярославский, то нельзя ли ему же приписать и постройку дворца в Мерчике? По времени построения это совпадало бы вполне. Тогда понятным стало бы и то покровительственное отношение, которое оказывал Г. Р. Шидловский В. И. Ярославскому, как племяннику харьковского архитектора П. А. Ярославского, строителя (?) Мерчика.

Дворец в Мерчике занимает собою часть обширного *ensemble*'я, образуемого, во-первых, самим домом, потом двумя павильонами, один из которых занят библиотекою, а другой является флигелем для гостей и домом конторы, расположенным напротив дворца. План самого двора очень компактный и элегантный, заканчивается с торцовых сторон овальными выступами.

По другую сторону *cour d'honneur*'а прекрасно распланированный партер, спускающийся полого к пруду. Терраса дома с этой стороны обрамлена балюстрадою, к сожалению, позднейшею.

Все фасады дома так хороши, что трудно сказать, какой из них главный, лучший. На желтом фоне белые, лепные украшения чудесной композиции и выполнения. На фасаде, со стороны подъезда, в центре, сильное «пятно» из столбов, одетых канелированными пилястрами. Над ними во фризе консоли. Весь портик покрыт аттиком с прелестным меандром. Боковые части фасада обрамлены такими же пилястрами. Но в них нет оконных отверстий, а помещены прекрасные ниши с вазами в них. Полукруглые фасады с боков разделены пилястрами на несколько частей. Весь фасад разрустован. Наличники окон первого этажа украшены гирляндами. Очень своеобразным является род антресольного этажа, образованный помощью прорезанных во фризе оконных отверстий.

Таков фасад со стороны *cour d'honneur*'а. Великолепная лестница, на пилонах которой поставлены пушки, и богатейшие газоны у подъезда дополняют картину.

Со стороны сада фасад также богат, но обработка его произведена помощью других деталей. Так, средний выступ хотя и украшен тоже четырьмя пилястрами, но они не имеют формы столбов, т. е. нет того рельефа, который достигнут на фасаде центральном. Иначе обработан аттик, хотя здесь несомненны какие-то позднейшие изменения, во всяком случае, герб Духовских поставлен вместо бывшего здесь герба Шидловских.

Наличники окон первого этажа проще наличников тех же окон главного фасада, но зато между окнами двух этажей помещены венки с лентами. В боковых выступах – тоже вазы в нишах, но здесь нет несколько вычурных обрамлений этих ниш, а наверху гирлянды, скомпонованные также иначе, нежели на лицевом фасаде.

В общем, богатство фантазии у автора постройки было, очевидно, огромное, если он применял на каждом фасаде разные мотивы. Особенно красивы и элегантны скрещенные ветки лавра и дуба во фризе боковых выступов. Наиболее импонируют величественностью и восхищают живописностью боковые выступы садового фасада, с вазами в гладких нишах, покрытые густою зарослью дикого винограда. Темные ветки его свешиваются и пышно рассыпаются вдоль белых канелированных пилястров. К сожалению, общая цельность картины нарушена привнесением позднейших мотивов – переделкою лестницы. Частью вместо солидных старинных каменных ступеней положены чугунные, но особенно неудачна новая балюстрада. Не выискан рисунок балясины, и это сразу выдает эпоху значительно более позднюю, нежели та, свидетелем которой был еще дворец. Эпохе чугунных ступеней соответствуют и чугунные диванчики, как будто в стиле *faux-gothique*. Совсем неудачны вазы, и статуэтки излишне маленькие.

Одноэтажные флигеля, хотя и очень простой, по характеру отделки, архитектуры, но тем не менее также останавливают изяществом. Рустовка пилястр, чередующихся гладкими плоскостями, гирлянды и венки, повешенные над окнами, хороши даже в отделке погреба.

Также интересна архитектура всех служебных помещений: сараев из низеньких арочек, выкрашенных тактично в два тона, амбаров, конюшен. Последние с крутыми крышами, с балкончиками, прелестно отделанными наружными лестницами. Все эти построечки образуют очень связный, цельный, гармоничный по плану городок.

Далеко не полным будет описание усадьбы Мерчик, если не коснуться тех сооружений, которые находятся, собственно, не в связи с усадьбой, но являются неотъемлемой частью парка.

Несколько беседок, мостов, построечек рода *chalet*, наполняют зеленые рощи, разнообразные холмы, мелькают белыми колоннами своими сквозь чащу дубов, кленов и ясеней, четко вырисовываясь на густой зелени еловых веток. Наиболее импозантною постройкою этого рода является грот у подножия холма, близ пруда. Дорические колонны отражаются в темных, сон-

ных водах пруда, к которым низко свешиваются ветви елей. Над дорическим портиком — арка, а выше — руины. Вокруг — кустарник и густая трава. Беседка из четырех арок и четырех ниш прелестна своим ритмичным *interieur*'ом, получающимся от мягкости «бега» линий арок и ниш. Беседка для музыкантов из арки и небольших ниш проще. Но зато очаровательна ротонда-колодезь, покрытая куполом. Курьезны элеваторы (деревянные), напоминающие какие-то средневековые постройки Данцига.

Чтобы покончить с архитектурными сооружениями усадьбы, надо отметить церковь, покрытую куполом. Здесь похоронен строитель усадьбы Григорий Романович Шидловский, умерший в 1820 году 68-ми лет от роду. Построена церковь в 1788 году. Колокольня пристроена позже, равно и трапезная. Последняя сооружена Евгением Михайловичем Духовским в 1881 году. Внутри, кроме двух круглых икон в лучах, ничего примечательного не имеется.

Надгробные памятники расположены были не у церкви, а на специальном фамильном кладбище в парке, невдалеке от дома. Это священное место ныне обращено почти в свалку всего мусора, выволакиваемого из дома и кухни. В состояние полной заброшенности пришли чудесные монументы. Иных уж нет... лишь куча развалившихся камней на месте былых *chef d'oeuvre*'ов скульптуры.

Попытаемся описать уцелевшие и мысленно восстановить некоторые.

Кажется, самый импозантный сохранился в виде пьедестала, на котором — канелированная колонна, увенчанная урною. Посредине колонну обвивает кольцо из «барочных» облачков. С четырех сторон, прижимаясь к колонне, поставлены изображения гробов с высеченными черепами и аллегориями. И общий облик этого памятника Александры Семеновны Шидловской, рожденной Сазоновой, и детали — указывают на бывшие еще в силе барочные традиции. Памятник поразительно напоминает, судя по рисунку, проект памятника гр. Браницкому в Белостоке (лист в собрании архитектурных чертежей короля Ст. Авг. Понятовского, в библиотеке И. А. Х.). Хорош памятник из пьедестала (в виде арки) со статуей склонившейся женщины в античном одеянии. А вот груда огромных камней до одной кв. сажени площадью. Разбирая ее, можно натолкнуться на чудесные куски с резьбой, изображающей Спасителя, факелы, вазы, головы и крылья херувимов: какие-то жалкие, но сами по себе чудесные остатки былого монумента...

Здесь были памятники и Григорию Романовичу Шидловскому (1752—1820 гг.) с надписью «Вечная признательная память от сокрушеннаго и благодарнаго друга N. N.»

Пойдем теперь внутрь дворца и вкратце отметим то, что остановило здесь наше внимание. Прежде всего — зал: овальный в плане, с богатой лепкой во фризе, изображающей гирлянды, перевитые лентами с бантами. Прекрасен орнамент в рамах, обрамляющих плафоны, но коегде заметны и орнаменты, как будто новые, эпохи Александра III. Особенно подозрительным в этом отношении является верхний ярус зала. Бюсты и венки над квадратами для картин плохой лепки, но архитектоника их композиции отличная. Портреты в зале огромные по размерам, но как будто все копии. Хороша живопись портрета Императрицы Екатерины I. Огромные развесистые пальмы, мрамор бюстов, бронза, люстры, вместе с мебелью (новой) образуют импозантную картину. Столовая и гостиная типичны по своей «меблировке» для эпохи Александра II.

Мебель рококо, чересчур богатой резьбы, драпировочные материи с «глазастым» рисунком, трельяжи, увитые плющом в центре комнаты, аляповатые керосиновые лампы в русском стиле с фарфоровыми вставками и сюжетами из крестьянского быта («читают в деревне указ об освобождении крестьян»), плюшевые и фарфоровые рамы картин — все это пока кажется мало привлекательным, но пройдут года, и хотя, конечно, нисколько не увеличится художественное значение этих предметов, но показательная интересность их будет значительнее.

В гостиной хороши портреты Лужиной и кн. Голицыной, кисти Боровиковского (несомненно, копии). В спальной комнате чудесны обои: синий рисунок на серебряном фоне. Здесь рама из фарфора сакс достойна внимания. Светло-розовые (цветы) с остро-зелеными бликами (листики) и бледно-желтыми завитками на серебристо-синем фоне обоев, она положительно красива. Хорош и фарфоровый подзеркальник.

В одной из комнат по садовому фасаду устроен род музея, в память брата владельца туркестанского генерал-губернатора Духовского.

Не касаясь предметов собрания – блюд, восточных тканей, ковров и т. п., – как не заключающих ничего типичного для художественного производства Харьковской губернии, отметим только особенно удачное убранство стен самого зала. Здесь сохранились, чудесно выполненные ниши с раковинами и подвешенными под ними гирляндами, великолепные наддверники из скрещенных веток и т. п. детали отделки комнат, существовавшие, кажется, прежде и в большом зале. Прелестны по обработке створки дверей. Из отдельных предметов упомянем шкаф начала царствования Екатерины II, а может быть, и конца Елисаветинской эпохи, с вычурным фронтоном, но нежными карнизами.

Старая Водолага, или **Адалага** – равно как и **Водолага Новая** – обе принадлежали Григорию Тимофеевичу Донцу. По описи указа царя Феодора Алексеевича на месте с. Водолаги на реке Мже, «на диком поле, стоял острог, мерою в длину 174 саж., поперек 165 саж. А в нем двор полковника Григория Донца. Подле его Григорьева двора построена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы». В 1711 г. храм сгорел. В 1736 г. построена была новая деревянная церковь. В 1773 г. помещик Старой Водолаги майор Александр Андреевич Дунин получил благословение построить новую церковь, которая и была освящена в 1821 году, при генерал-аншефиссе Марии Дмитриевне Дуниной, рожденной Норовой, вероятно, дочери генерал-губернатора Екатерининского времени.

Ведомость 1780 года говорила: «Дом господский деревянный окружен на подобие четыреугольнего редута с четырьмя бастионами, при нем саду не имеется». Дунина при замужестве дочерей дарила им (по преданию) по части дома. Теперь принадлежит С. А. Ширковой, рожденной гр. Сиверс, внучке Дуниной.

Ныне у села Водолага две усадьбы князя А. Д. Голицына – более новая, и С. А. Ширковой – более старая, обе бывшие гр. Сиверс.

Дом в Водолаге был основан в Александровское время, но, переделанный в 1880—1890-х годах, сохранил лишь общие благородные формы, фронтоны. Ничего художественного он не представляет. Приятен традиционный подъезд с флигелями со стороны *cour d'honneur*'а

В доме хорошее собрание картин, особенно портретов. Портрет гр. К. К. Сиверс (1813—1814 гг.), копия (?) кисти Боровиковского, портрет Дуниной, из собрания гр. Строганова (копия?), интересный автопортрет Тихобразова (1846 г.) и несколько очаровательных картин, акварелей и литографий в гостиной.

Старая Водолага по другую сторону села. Здесь в тенистом парке тоже небольшой дом, в стиле английской готики, с зубцами аттика, с типичными оконными наличниками. К дому прилегает пристроечка в мавританском стиле, с куполом, – следствие любви к восточному в 70-х годах прошлого столетия. Неподалеку – руины какого-то старого амбара. Несмотря на совершенно плачевный вид этой постройки, можно, однако, различить в кладке стен ниши и портик.

Церковь в селе Водолага, о которой сказано было раньше, не представляет собой по наружному виду ничего примечательного, хотя странными представляются ранние, достаточно классические формы (в 50—60-х годах) ее колокольни, купола, фронтонов. Впрочем, начало ее постройки относится к 1815 году; автором проекта является какой-то Волтнев.

Но зато внутри церкви — совершенно неописуемая красота иконостаса, очевидно, Елисаветинского времени и чудная сень, покрытая короною. Иконостас чистейшего растреллиевского барокко. Витые колонки, медальоны, обрамленные орнаментом рокайль, прелестное завершение второго яруса с прихотливо, гибко и смело изогнутыми линиями карниза и вовсе не плохая живопись, особенно в иконах нижнего ряда, — все это указывает на то, что иконостас исполнен в отличной петербургской мастерской по рисунку лучшего мастера.

В самом селе Водолага, посередине широкой улицы стоит за невысокой каменной оградой храм-мавзолей. Вокруг мавзолея, окаймленные оградой, старинные ели и кустарник. Окруженный колоннами со всех сторон, мавзолей украшен круглым барабаном с прорезанными в нем полукруглыми окнами и покрыт невысоким куполом. Со стороны алтаря — пристройка, довольно неудачная, едва ли времени построения монумента, вероятно, позднейшая. Сооружение это — фамильный склеп с часовней гр. Сиверс. Здесь похоронены многие члены этой семьи. Одиноко, сиротливо и уныло этому, как бы перенесенному с *Via Appia* храмику среди маленьких деревянных домиков! Вдаль уходит большая дорога, мелькают телеграфные столбы. На горизонте живописны силуэты ветряных мельниц...

Ракитное, усадьба, сравнительно живописно расположенная, основана была Михаилом Матвеевичем Куликовским. В усадьбе сохраняется и старинный дом (ныне училище садоводства) и церковь, а в парке — беседочка. Многое переделано, уменьшился сад, хотя сохраняются экземпляры дубов редкой величины.

Печальна история этого имения. После смерти М. М. Куликовского все имущество его перешло к двум дочерям его — Хлоповой и Перекрестовой-Осиповой. Хлопова променяла Ракитное Андрееву, последний умер бездетным. Претенденты, в том числе графиня Верзилина, не добились признания имения за ними. Кем-то было составлено поддельное завещание и, наконец, как выморочное, имение поступило лет 40 тому назад в казну, в Министерство Земледелия.

К этому времени относятся переделки построек и даже хищение имущества. Главный дом остался таким же, как прежде (почти невероятно, как утверждают местные старожилы, что он был двухэтажным). По нашему мнению, дом сохраняется почти в полной неприкосновенности: уже самый тип его колоннады указывает на то, что он и ранее был одноэтажным. Правда, в Славгородке увидим подобный же двухэтажный дом с колоннадою, но там она имеет совсем декоративное значение, между тем дома в Железняке и др. напоминают описываемый фасад.

В доме помещена была военно-ремонтная канцелярия, потом он служил дачею института, позже перебралась сюда детская колония, и, наконец, благодаря генералу Зарудному, здесь устроили школу садоводства.

Но если сохранился главный дом, который отстоял местный помещик П. И. Палицын, то несомненно, что снесен до основания трехэтажный простой архитектуры флигель. Далее указывают и на исчезновение ряда других служб (конюшен, оранжерей и т. п.). Все это было разобрано на кирпич, доставали его еще и из каких-то подземных ходов. Тогда же устроена была и ограда.

По своей архитектуре дом производит чрезвычайно приятное впечатление. С обеих сторон украшенный колоннадой, он очень логичен и уютен по плану. Дорические канелированные колонны, отставлены на значительное расстояние от стены средней части дома. Колоннады, затиснутые выступами боковых частей, образуют род удлиненных лоджий. Но с другой стороны глубина их не столь велика, чтобы затемнять внутренние помещения, препятствуя доступу света в окна. Последние — изящных, удлиненных пропорций. Дом поставлен на очень низкий цоколь, поэтому пропорции его имеют уютный характер. Великолепно нарисован и украшен модульонами карниз. Обработка боковых выступающих частей рустами и пилястрами также удачна.

Внутри хороши створки дверей и великолепны сохранившиеся внутренние, старинные ставни. Со стороны подъезда — двор, теперь запущенный. Но с другой стороны дома великолепный сад, с сохранившимися редкими породами хвойных деревьев.

Церковь связана с домом в одно архитектурное целое. Она относится к 1805 году. Композиция ее очень благородна и красива.

В плане церковь круглая с двумя выступающими портиками со стороны паперти и алтаря. Первый портик «с относом», второй плотнее примыкает своими колоннами к телу здания. Храм покрыт куполом на барабане с прорезанными в последнем круглыми окнами.

Колокольня лучше по своей архитектуре, нежели самый храм. Она двухъярусная. Первый ярус окружен колоннами. Второй — украшен плоскими пилястрами. В самом теле колокольни прорезаны очень удачно ниши. Прелестна пропорция окна звона — узкая арка.

К сожалению, наружный вид церкви сильно пострадал в 1895 г., когда ремонтом искажен был профиль карнизов, и вследствие этого теперь они получили почти всюду грубый вид. Особенно пострадал венчающий карниз. Во фризе триглифы оставлены только со стороны фронтона (четыре вместо семи). Пострадали также и купола на церкви и колокольне. Прежде точно сферические, при замене стропил и, главное, обрешетки они стали какие-то многогранные. Главка на верхнем барабане также изменена без всякой надобности: вместо шара сделано подобие луковицы. Но особенно жалко замены двухтонной окраски сплошною белою. Прежде белые тяги и колонны прекрасно выделялись на темно-красном тоне штукатурки стен.

Переделка, будто бы вызванная трещинами от сильного давления тяжелых (400—500 пуд.) печей, ныне несуществующих, отразилась и на внутреннем виде храма: убраны были с благословения епископа Амвросия не только хоры, но и царские врата, которые «по ветхости» были переделаны...

Из сохранившихся доныне интересных предметов убранства храма отметим: решетку аналоя в стиле *empire*, несколько памятников-надгробий (Куликовских), большую, серебряную люстру тоже *empire*, люстру барокко Елисаветинского стиля (маленькую), местные иконы на колоннах, посредственные, но в старых рамах; в приделах прелестны овалы с гирляндами и вазочками на иконостасе; из икон отметим Лик Спасителя, типа Гвидо Рени, в серебряном окладе.

Иконостас синий с золотыми полосками (таковы старые части, новые сплошь золотые). Ныне иконы заменены другими: ранее вместо тайной вечери была Звезда, вместо Голгофы был Господь Саваоф.

В усадьбе близ села Ракитного, принадлежащей П. И. Палицыну, отметим занятный, старенький, разваливающийся домик с мезонином и готическими переплетами окон, амбарчик с традиционными парными колонками и урну из усадьбы Каплуновка в саду. В доме картины 40—50-х годов, сабля, пожалованная стольнику Перекрестову.

Иваны, или **Знаменское**, некогда усадьба Дуниных, ныне перешедшая к Шидловским. Дом одноэтажный с выступающей в сад полукругом террасою, очень уютен. Со стороны подъезда оригинально обработано крыльцо с ампирным, зубчатым фронтоном. Непосредственно к крыльцу примыкает старинная оранжерея.

В доме сосредоточено довольно много предметов, имеющих художественный интерес. Старинная икона Ахтырской Божьей Матери в окладе 1739 года (от гр. Подгоричани), портреты Шидловской (жены Р. М. Шидловского), рожденной Бутурлиной, самого Романа Михайловича.

Церковь Знамения в «украинской классике», одна из интереснейших в Харьковской губернии, она построена в 1771 году, но в 1830-м была перестроена и тогда-то получила «ампирные» крылечки. План же церкви и купола ее — старинные. Построена она была майором Дуниным.

Перестраивали ее А. Р. и М. В. Шидловские, пожертвовавшие утварь и поставившие памятники Дуниным. Внутри иконостас в стиле *faux gothique* (что вполне соответствует эпохе 1830-х годов). В саду часовня-мавзолей тоже в готике, но уже поздней, несомненно 1880-х годов.

Снежков Кут, имение ныне А. А. Задонской, на плоской местности, с благоустроенным, тенистым садом. Все постройки не представляют собою ничего особенного, хотя довольно привлекательны и уютны. Террасы, балкончики, выступы, навесы придают им вполне живописный вид. Вероятно, эти построечки были переделаны, ибо лишь кое-где теперь можно заметить ампирные детали (наличники), но все террасы и т. д. позднейшего происхождения.

В доме несколько портретов, заслуживающих описания. Портрет старушки в шляпе-чепце, прелестно написанный, той же эпохи автопортрет M-r Frere (в овальной раме) в берете, портрет А. В. Кирьяковой, 1837 года, — очень типичный портрет.

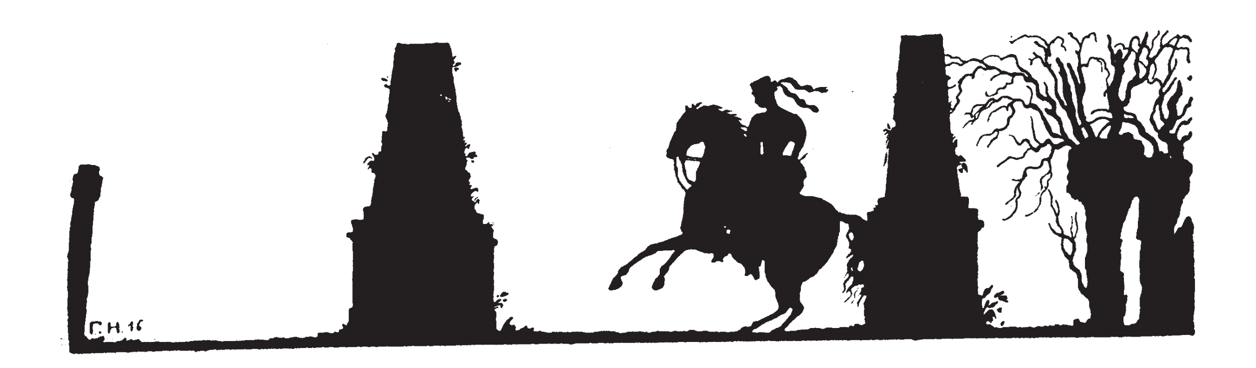
Контакузово, имение Яхонтова, ныне не сохраняет уже, к сожалению, никаких остатков старинной усадьбы, кроме огромных развесистых дубов. Недавно еще перестроен заново последний из домов усадьбы. Флигель был переделан раньше, а стоявший к нему перпендикулярно, посредине импозантного двора, к которому ведет отличная, внушительная и типичная, усадебная аллея, главный дом снесен. Дом был покрыт гонтовой крышей и украшен колоннами со стороны входов и сада. Вероятно, его фасады напоминали типы такого дома, как в Иванах, но только были больше по размерам. Если так, то надо только пожалеть о перестройке. В доме — интересные экземпляры старинной мебели и фарфора.

В самом уездном городке **Валках** уцелели две-три усадьбы. Ныне, правда, оказавшиеся в середине города, но все еще сохраняющие характер именно усадьбы, в отличие от таких, например, тоже очень милых домиков, как тот, в котором ныне помещается Высшее училище, но которые носят определенный городской вид.

Дом, ныне протоиерея Новского, бывш. Роменских, как о том свидетельствует и герб, вырезанный из железа и помещенный на таком же, очень интересном ажурном аттике, построен, несомненно, в конце XVIII столетия. Снаружи гладкая стена его не украшена никакими деталями, лишь расчленена пилястрами. Со стороны двора к дому примыкает очень интересное типичное крыльцо, тоже с железным резным аттиком, изображающим лебедя. Со стороны заднего фасада уцелели колонки. Очевидно, поэтому грубоватые пилястры лицевого фасада поставлены на месте переделанных колонок. Но не фасадом примечателен дом. Его достоинство — в печах.

Две печи (1808 года) в зале с орнаментом в стиле *Louis XVI*, печь в гостиной в виде ниши, и еще печь в передней, сборная из кафель с отдельным на каждой кафле рисунком (вазочки). Орнамент печей, зелено-синего тона, изображает гирлянды и вазы. Неужели такой красоты печи прежде бывали во всех домах? Какие же фабрики выделывали их?

АХТЫРСКИЙ УЕЗД

Славгородок, усадьба, основанная Надаржинским и Корсаковым, ныне принадлежащая княжне В. В. Голицыной и С. В. Галл. Кроме дома, вся усадьба вместе с имением — в аренде, почему она не блещет благоустройством и хотя бы опрятностью, в парке запущены клумбы, заросли дорожки…

«Ахтырский полковник Иван Перекрестов по укрепленной грамоте 1686 года купил у боярских детей Вольновской службы земли Славгородка и заселил их черкасами», «в 1705 году земля отобрана на царя». Было время, когда в Славгородке находилось четыре храма. Петром Великим Славгородок пожалован Надаржинскому. На том месте, где стоит ныне мраморный памятник над прахом генерал-майора Корсакова, по местной памяти, стоял ветхий Архангельский храм. Уже при отце нынешней владетельницы, князе В. П. Голицыне, дом стал приходить в несколько заброшенное состояние. Но все-таки великолепна была усадьба и ее собрания.

Очевидно, относящийся к 1840-х годам, теперешним своим видом дом производит более старое впечатление. Отчасти этому способствует присутствие колонн на обоих фасадах, отчасти старинный вид дома.

Но ближайшее рассмотрение деталей и частей убеждает в том, что дому едва ли более 75 лет. Подобие готических фронтонов боковых выступов с окном в тимпане, готические наличники окон, цветные стекла в переплетах некоторых окон подтверждают это датирование.

Колонны портика фасада со стороны подъезда тоже по профилю своих баз и капителей не классической эпохи. Но все-таки очень уютна и импозантна вместе с тем колоннада подъезда, со стороны сада фасад еще более пестрый, склеенный, состоящий как бы из кусочков. И здесь посредине портик из парных колонн, служащий террасой второго этажа. К боковым выступам примыкают крытые балкончики с готическими переплетами. На пологих лестницах, спускающихся в сад — чугунные перила, тоже готические.

Вместе с огромными, развесистыми липами, кленами и чудными пирамидальными тополями белые массы дома, на которых играют блики света, пробивающегося сквозь густую листву, производят чарующее впечатление своею живописностью, несмотря на недочеты чисто архитектурных форм. Со стороны подъезда в ворота видны, расположенные через улицу хозяйственные постройки какого-то странного русско-мавританского стиля, не лишенного, однако, уже прелести старинной архитектуры. Еще интереснее вид на усадьбу со стороны обширной, поросшей травой площади, посредине которой находятся руины памятника Корсакову.

Отсюда кроме дома, на фоне зелени парка, видны флигеля двухэтажные, флигеля малые, погреба, разбросанные вокруг этой площади. Направо церковь. Но о ней впереди.

Итак, мы видим, что Славгородская усадьба — это целый *ensemble* построек, расположенных по известной системе. От центра дома налево — службы, направо — чистые флигеля, а прямо (по оси) против дома — церковь. Но, очевидно, позже (в 70—80-х годах) «перекроили» сад, новой оградой отрезали службы, выделили памятник за черту собственно усадьбы, предоставив его тем самым на расхищение, и вот — теперь уже с трудом можно мысленно восстановить прежний общий план усадьбы.

Внутри дома разрушение еще большее, чем снаружи. Если на фасадах заметны следы отсутствия ремонта, выпавшие балясины, отпавшая штукатурка, что легко восстановить, то внутри происходит полный развал: покривились ступени лестницы, покосились притолки дверей, потрескалась живопись старинных полотен, покрыты слоем пыли все ценные предметы, продается чудная, подобранная за многие годы, библиотека, и, в дополнение ко всему, весь инвентарь находится в руках и на попечении евреев-арендаторов. Между тем здесь есть чудные портреты: бабушки нынешней владелицы Веры Викторовны, хорошие люстры *empire* и др.

Мавзолей на могиле, как гласит о том надпись, генерал-майора Алексея Ивановича Корсакова, поставлен был в 1818 году 18 апреля. Несмотря на не столь большую давность, он пришел в ужасное состояние, впрочем, не лишенное живописности. Деревья, его окружающие, кустарники, поросшие на склонах пирамидального покрытия и руины стен образуют очень поэтический уголок. Но почему в такие развалины обратилась постройка? Кладка ли была плоха или отсутствие покрытия на скатах пирамиды повлияло так дурно на состояние стен? Выщербились углы, деформировался почти до неузнаваемости верх мавзолея, трудно даже определить теперь, что это была пирамида с четырьмя по углам малыми обелисками. Каков был стиль сооружения, сказать теперь представляется совершенно невозможным.

Внутри квадратное в плане помещение с огромными распалубками, придающими помещению очень типичный вид, именно вид склепа. Остатки алтаря (или части иконостаса) в украинском стиле барокко.

В 1807 году помещицей Варварою Надаржинскою построен был каменный храм во имя св. Троицы. В 1843 году княгинею Софией Алексеевной Голицыной, рожденной Корсаковой, правнучкой знаменитого Надаржинского, храм был возобновлен. Ею поставлены в нишах статуи семейных святых архангелов Гавриила и Михаила, святителя Алексея и святых мучениц Софьи, Александры и Варвары.

Церковь построена была в классическом стиле и украшена колоннами.

Колокольня в виде массивного четырехугольного с прямым отверстием куба, на котором — мощный и отлично скомпанованный купол со шпилем, сохранилась нерушимо. Равно сохранились вполне все ее три портика с отлично выполненными дорическими колоннами. Но пристройками приделов с южной и северной сторон (для расширения храма) значительно нарушен был *ensemble* церкви; эти пристройки «украсили» куполками с луковичными главками, и русский стиль совсем не гармонирует с *empire*'ом церкви. Со стороны паперти, как и в стенах абсиды, в некоторых нишах поставлены статуи. Первоначально они были во всех нишах. Во время обновления храма в 1843 году, как мы видели, поставлены были статуи в некоторых нишах, так как при епископе Амвросии их убрали, как несоответствующие духу православной церкви, а в нишах вместо статуй были написаны фрески. Статуи действительно имеют католический характер, зато новые статуи епископов в митрах, хотя совершенно подходят по сюжету, но значительно хуже по художественности выполнения. В то же время, т. е. при переделке церкви, убран был «за ветхостью» и чудесный иконостас, и, говорят, потому, что он был тоже

якобы в католическом стиле. Вероятно, это было пышное барокко вроде иконостаса храма в Водолаге, т. е. с лепными и резными изображениями ангелов и, может быть, даже Богоматери и Христа. Но око местного епископа усмотрело в этих деталях признаки католичества, позабыв, что на Украйне, в частности, как и на далеком Севере вполне распространены были скульптурные изображения святых, ими теперь полны музеи Костромы, Владимира, Вологды и т. д.

Итак, теперь новый, неинтересный иконостас, и недостает некоторых статуй, поставленных в 1843 году. Зато теперь появились нелепые пристройки якобы в русском стиле, испортившие боковые фасады храма, заслуживающего самого бережного к нему отношения: храм вполне может быть причислен к числу лучших построек губернии.

В саду около церкви несколько прелестных монументов на могилах владетелей усадьбы. Вот некоторые из них: памятник на могиле князя Василия Петровича Голицына, умершего в 1866 году – в виде статуи ангела, держащего опущенный факел. Прекрасно грустное, тихое выражение лица; складки драпировок, крылья скомпанованы очень удачно, и если бы не была известна точно дата монумента, смело можно бы было отнести его к 30-м годам.

Памятник на могиле Александры Тимофеевны Корсаковой, жены генерал-майора, скончавшейся в 1842 году на 34-м году жизни, изображает статую опечаленной, со склоненной головой, женщины. Также великолепны складки драпировок, покрывающих прекрасное тело.

Памятник княжны Варвары Алексеевны Корсаковой, дочери генерал-майора А. И. Корсакова, умершей, как гласит надпись: «1832 года, июня 16 в 7 часов утра, в Голландии, по выезде из Роттердама близ города Горкум на реке Вааль, на пароходе Номбеген», изображает пьедестал с фронтоном в египетском стиле с антефиксами на одной стороне фронтона. В венке из цветов – профильный барельеф усопшей, окруженный звездами. Под изображением надпись: «Вот все». Как кратко и красноречиво! Сколько такта, изящества и смысла во всем изображении! И как просто все это по сравнению с теми монументами, которыми устанавливают теперь наши кладбища! Все памятники прекрасного мрамора. Едва ли на зиму их закрывают ящиками из досок. Кто заботится о поддержании их вида? Ведь они на могилах родственников владельцев! Не постигнет ли и их судьба мавзолея на могиле генерала Корсакова? Будем надеяться, что они не дождутся судьбы монументов в Мерчике, хотя бы благодаря тому, что, опубликованные здесь, они привлекут к себе внимание тех, кого следует, т. е. прежде всего собственников и родственников.

Грустное впечатление остается в общем от обзора Славгородка. Чудное дворянское гнездо с хорошим домом, с садом «задумчивым», с церковью высокохудожественной – сколько средств, сколько трудов было затрачено на устройство всего этого для того, чтобы теперь подвергнуться постепенному разрушению!

Янков Рог, имение, как и Славгородок, основанное Анастасиею Надаржинскою, внучкою духовника Петра Великого. Ныне имение принадлежит наследникам П. И. Харитоненко.

Дом с дорическими колоннами очень мощного ордера. К сожалению, со стороны фасада портик безнадежно испорчен устройством в обоих этажах помещений: застеклены окна, устроены двери. Оригинален аттик с прорезанными в нем окнами. Карнизы суховаты. Окна хороших пропорций. Со стороны сада портик заканчивается фронтоном с огромным окном в тимпане. Прекрасна сохранившаяся решетка балкона второго этажа. Боковые части дома очень хорошо обработаны колоннами по углам. Заросли дикого винограда покрыли живописно стены. Остатки былого величия – могучие сосны и дубы парка оттеняют стены дома. Особенно хороша липа, посаженная Анастасией Николаевной Надаржинской (род. 1764, умерла 1834), плита на могиле которой уцелела до сих пор. В саду нет уже никаких павильонов, но службы около дома хорошие, особенно один сарай с колоннами в два яруса. Хороши двери с *empire*'ным рисунком, переплеты окон и балясины лестницы.

Пожня, имение генерала В. И. Белогрудова. Здесь построена была хорошая классическая церковь. Дом с колонками на фасадах, лицевом и садовом: по традиции род лоджии. Терраса на одном фасаде и выступающий портик на другом. Эпохи *empire* печи с белыми кафлями, отороченными вокруг орнаментом виноградной лозы. Хороша ограда.

Видневка, усадьба, построенная Райковичем, позже перешедшая в руки Романовых и ныне принадлежащая Башкирцевым. Она расположена в живописной местности, на высоком холме, с прекрасным видом на окрестности. Дом с парными колоннами по фасаду, образующими лоджию. Со стороны сада – портик и галерея. Хорошего рисунка двери, печи, отличные экземпляры мебели. Особенно хороши печи с орнаментом из рогов изобилия на аттике печи, и с аканфовым узором, вьющимся по всей длине и ширине печи. Очевидно, печи сложены были не позднее 1836 года, так как именно в этом году Романовыми был построены дом и церковь для прихода, поставленная по другую сторону глубокого оврага так, что с балкона дома открывается вид на нее. Окруженные спускающейся по крутому склону оградой из каменных столбов и балясин, старинные плакучие березы придают дому значительную прелесть.

Угроеды, имение ныне наследников П. И. Харитоненко. Здесь был старый дом того же типа, что и в Видневке или Пожне, но много больше, с двумя флигелями. Однако не так еще давно он был переделан и «приукрашен» в «петушином» русском стиле, помощью налепленных без меры узоров, вырезанных из досок и размалеванных в четыре цвета: прежняя милая простота не понравилась и был погублен помещичий домик половины XIX столетия.

Церковь в классическом стиле, также неплохих форм, с портиком и куполом, но отремонтированная с варварским безвкусием, она потеряла много в своей прелести. В самом деле, разукрашенные аляповатою росписью стены, фронтоны и особенно фриз (в метопах намалеваны головы святых) являют теперь только жалкий вид.

Турия – тоже наследников П. И. Харитоненко, небольшой, но милый домик с колоннами, уютно расположенный среди хозяйственных построек и деревьев. К сожалению, и здесь архитектура дома пострадала от налепленных без надобности резных оконных наличников.

ВОЛЧАНСКИЙ УЕЗД

Графское, усадьба ныне графа П. А. Гендрикова. Она расположена в чрезвычайно живописной местности на берегу реки Донца, и хотя на низменном берегу реки, но таким образом, что из усадьбы виден чудный горный берег, покрытый до сих пор вековым дубовым лесом.

Имение это дано было в начале XVIII столетия Петром I Шафирову и отобрано от него в казну в 1723 году. Екатериною I подарено Гендрикову и с тех пор находится в этом роде.

В 1825 году отстроена теперешняя усадьба. По крайней мере известно, что в этом году построена церковь графиней Анной Александровной Гендриковой. Стиль же церкви, равно как и характер постройки, приблизительно тот же, что и дома. Предположить можно, что эта эпоха является подходящей для *empire*'а, в котором построен дом.

Переехав по низенькому мостику полноводную, с берегами поросшими камышом и отражающую темную зелень дубовой рощи, подходящей местами к самой воде, реку Донец, по длинной улице, образованной служебными флигелями, въезжаем через готические ворота во двор усадьбы. Собственно усадьба начинается раньше, с момента въезда в мир служебных построек, ибо здесь все сооружено по проекту, сооружено согласно общему плану, в соответствии с домом.

Перед домом обширный *cour d'honneur*, его замыкает ограда, выложенная, как часто в этой местности делают, крестовою кладкою. Дом состоит из главного трехэтажного корпуса с портиком и куполочком, двух флигелей, связанных с ним крыльями, и ряда одноэтажных флигелей, поставленных перпендикулярно к главному дому по обеим сторонам обширного двора. Двор занят посредине круглой клумбой, усаженной кустами зелени.

Перед домом, очень декоративно разместившись, растут пирамидальные тополи, силуэтом своим прекрасно сочетаясь с колоннами и вообще со всей архитектурой. Белая постройка в свою очередь отлично выделяется на фоне сочных куп зелени старинного парка. При въезде в ворота получается таким образом картина в высшей степени типичная для прекрасной барской усадьбы и вместе с тем картина декоративно прелестная, так и просится она для передачи ее в постановку тургеневской пьесы. При ближайшем рассмотрении архитектура дома еще более выигрывает. Прекрасный по скомпонованности общих масс дом за некоторым исключением построен с соблюдением всех хороших основ классической архитектуры 1820—1830-х годов и до некоторой степени наводит на мысль или об авторстве московского архитектора школы Джилярди (детали типичны для Московских особняков), или последователя и совре-

менника Стасова. Главный дом, прямоугольный в плане, украшен со стороны подъезда портиком дорических колонн, поставленным на высокую аркаду и сильно выдвинут вперед. Портик настолько выдвинут, что экипаж может свободно подъезжать под своды аркад. Поэтому к портику ведут низкие пандусы. Второй этаж развит значительно, зато третий имеет вид скорее антресолей. Такое членение придает много стройности дому, отличая его сразу от всех шаблонно-ампирных домов города, где все этажи были равноценны. Фронтон высок, а тимпан его гладок, и белый, скромный герб владетелей усадьбы в середине оттеняет его спокойствие. Стройными представляются полуколонны, делящие стену. Как будто когда-то дом состоял только из колонн, а потом «междуколонья» «забрали», и вот теперь колонны выглядывают из-под слоя «затиснувшей» их штукатурки. Была ли первоначально идея украсить стены дома целыми колоннами или трехчетвертными, или случайно вместо пилястр сделали полуколонны, но несомненно, что эти пилястры были бы удачнее, равно как и трехчетвертные колонны были бы предпочтительнее. Вот эти-то колонны и надо отнести к числу дефектов архитектуры дома, дефектов, безусловно, происшедших вследствие неправильно понятого проекта, очевидно, осуществлявшегося без надзора автора.

Неудачен также фонарик на крыше, играющий роль купола. Он немного низок и, главное, выполнен бутафорски. Полуколонки, декорирующие стены самого дома, украшают и соединения с флигелями и самые флигели. Вообще этим мотивом немного злоупотребляли.

Подойдем еще ближе к дому. Арки, столь мощные издали, казались стройнее. Кривая их не очень приятно смыкается с опорой, а замки над наличниками арок вовсе плохи и бессмысленны, как декоративное украшение, а не как конструктивная и столь нужная деталь. Зато превосходен портик. Легкие, стройные колонны, кажущиеся слишком тонкими, в сущности, очень хороши. Упрощен карниз из плоских модульонов, прекрасен рисунок балясин между колонн. Лепные украшения в наличниках окон второго этажа выполнены превосходно. Импозантная терраса, образованная колоннами, безусловно, одна из лучших во всей усадебной России. Уставленная тропическими растениями, всякими хвоями и пальмами, она так удачна по своим размерам, по высоте над землею, по уюту и по виду, с нее открывающемуся, что не оставляет желать ничего лучшего.

У колонн чуть слышно в тихий знойный день шелестят или шумят в бурю листья старых тополей, и в этой рамке из колонн, как бы увитой зеленью, видны все другие прекрасные сооружения усадьбы: вдали, как раз против дома, манеж и конный двор, налево башни оранжереи, направо ряд флигелей, а дальше — тянутся леса, виднеется деревня…

Диссонирующею нотою является только пол, назойливо лезущий в глаза своими метлахскими плиточками, напоминающими ванную комнату. Здесь уместнее бы был пол из плит каменных, досчатый или мозаичный, как в виллах, построенных Палладио в Италии.

Фасад со стороны сада, также прелестно оттененный зеленью тополей и елей, представляется несколько в другом роде.

Колоннада портика этого фасада — полукруглая и образует собою подобие ротонды. Но так как выдвинута соответственно и часть здания полукругом, то получается сравнительно узкая терраса, с которой и открывается восхитительный вид на нагорный берег реки, покрытый лесом, на парк, на зеленый партер, ради которого как бы расступаются деревья.

Портит вид фасада только слуховое окно крыши полукружия — черезмерно большое. Особенно хорошо видны детали обработки на боковых фасадах. Здесь вполне отчетливо выделяются маскароны в венках, окруженные лентами: излюбленный мотив особняков в Москве (дом Обер-Полицмейстера) и в Московском районе (д. Мешкова в Калуге, дом Двор. Приюта в Рязани, д. Полторацкой в Курске).

Внутри дом не менее интересен, чем снаружи. Прекрасная «лестничная клетка», образующая удобные поместительные раздевальни, особенно хороша, если на нее смотреть с верхней площадки. Вместе с балюстрадой перил, бра и отделкой стен, лестница была бы вполне годна для дома Дворянства в губернском городе и во всяком случае имеет дворцовый характер.

Зал тоже достоин дворца. Он разделен арками, покоящимися на парных коринфских колоннах, на две части. Получается собственно зал и аванзал. Наверху в арках – хоры с очень красивой балюстрадою.

В среднем пролете – печи старинные с колоннами, настолько красивые по своей обработке, что вполне подходят к обработке зала. Огромные пальмы придают ему характер торжественности. Интересны некоторые предметы мебели. Из других комнат интересна по обработке стен полукруглая гостиная, выходящая в сад. Мила лепка фриза, деликатна обработка ионических колонн и купола.

В комнатах нижнего этажа есть интересные картины. Особенно акварели, изображающие виды Графского в 40-х годах, исполненные бабкою нынешнего владельца. Акварели эти полны поэтического чувства и очень подлинно запечатлевают виды дома того времени. Дом остался почти без изменения. Конечно, сад состоял еще из кустов, но были лучше цветники. Особенно хороши на этих акварелях *interieur*'ы, закрепляющие все предметы обихода и украшения тогдашних комнат. Ценными документами быта тех времен и материалом для подробного описания Графского являются такие акварели.

Из построек, расположенных вблизи дома и образующих с ним *cour d'honneur*, интересен флигель со сплошь разрустованными стенами, – едва ли не наиболее старинная постройка усадьбы. Далее интересна оранжерея с башнею. Теплицы расположены под углом к линии фасада. Башня замыкает собою чистый двор, после нее начинается забор огородов. Стены башни покрыты рустами, между которыми прорезаны круглые окошечки вверху и маленькие, полукруглые внизу. В ее архитектуре есть что-то замковое. Купол прихотливо изогнут.

Выйдя из ворот на улицу, увидим целый городок флигелей. Некоторые из них служат жильем и сохраняются в хорошем виде. Некоторые заброшены или совсем разорены. Налево от дома – анфилада этих домиков, среди которых есть очень милые по обработке готические, а есть и с наклонностью к классической архитектуре, заканчивающиеся башнею очень оригинального вида. Все домики соединены между собой высокой оградой из арок. Особенно оригинальна башня при въезде в эту улицу, с одной стороны которой идут эти службы, а с другой тянется ограда, заканчивающаяся конным двором.

Совершенно необычайно по виду самое «тело» сооружения, перекрытого тесовым шатром многоугольного плана.

Вокруг, на некотором расстоянии идет также многоугольная в плане колоннада. Но колонны эти треугольны (!) в плане и покрыты вместо антаблемана родом аттика. Когда тени столбов падают на стену собственно башни лучше ощущается рельеф сооружения и стройность его форм чувствуется еще больше.

Против дома, со значительным отступом от линии ограды расположено едва ли не лучшее сооружение Графского, во многом напоминающее руку отличного мастера, может быть, Стасова. Так же, как и другие постройки Графского, конный двор и манеж – прежде всего великолепно поставлен в отношении других зданий и еще лучше оттенен деревьями. Тополи перед домом положительно необходимы как «декоративные пятна».

Длинное низкое здание, сплошь разрустованное, в средней части обработано «павильоном» из пяти арок, украшенных колоннами и красивыми переплетами рам в верхних полукруглых, сквозных частях, служащих окнами. Низкая крыша дома покрыта куполом, помещенном на

низком барабане и слегка изогнутом, подобно куполу оранжереи. Боковые части украшены с фасада одной аркой, с бокового фасада — тремя и также покрыты куполочками. Пропорция частей, комбинация гладкой разрустованной стены (в средней части оставлен гладким цоколь и фриз) с боками и центральным пятном — идеальны. По архитектурной обработке общий силуэт здания выражает вполне предназначение здания и своей гладью чудно рисуется на зелени луга, расстилающегося привольно перед фасадом, и лишь двумя-тремя плакучими ивами нарушенном в своем спокойствии. Отойдя на расстояние — так, чтобы тополи, растущие перед газоном *cour d'honneur*'а слились в одну картину с фасадом манежа, получим наиболее торжественную картину. Темные силуэты высоких, стройных деревьев составляют *ensemble*, единственный с постройкою. Вглубь от средней части конного завода расположен манеж — это длинный корпус, сплошь состоящий из арок, частью застекленных. Створки ворот очень хорошей обработки. Манеж в Графском, как тип сооружения, — один из наиболее удачных.

Церковь в Графском — с шестью дорическими колоннами, пилястрами и прелестною абсидою. Но купола ее барочной формы.

Хатнее, усадьба на берегу реки Двуречной, на месте первых поселений 1680 года. В 1689 году Донец-Захаржевский купил это селение, а от него усадьба перешла к дочери его Евдокии Зарудной. Сын ее И. Н. Зарудный построил каменную церковь, освященную в 1799 году. Дальше по женской линии имение перешло к Ширковым и, наконец, к гр. Ц. В. Гендриковой, нынешней владелице. Дом в Хатнем построен в 1822 году В. И. Хитрово, первым мужем владелицы имения Александры Григорьевны, рожденной Зарудной и вышедшей впоследствии замуж за Валериана Федоровича Ширкова.

Усадьба расположена, как и большинство усадеб Волчанского уезда, на склоне холма так, что, подъезжая к имению, совершенно нельзя предположить существования такого огромного парка, как в Хатнем. Парк убегает вниз по склону холма и доходит до реки. От дома ведет чудесная широкая аллея, внизу обрамленная стрижеными шпалерами. Перед въездом в усадьбу сначала видим два флигеля, выходящих на улицу. Архитектура их очень серьезна и строга: рустованные бока охватывают тройное, полуциркульное окно, врезающееся во фронтон.

Посредине между этими двумя симметричными флигелями, в глубине расположен дом. Его закрывают несколько густые ветви елей, но зато они прекрасно сочетаются своим цветом с розово-оранжевыми стенами фасада и белыми колоннами. Фасад украшен восьмиколонным дорическим портиком, образующим лоджию. Мезонин увенчан уступчатым аттиком. Фасад со стороны сада обработан полукруглой ротондой и тоже имеет мезонин. Но как один, так и другой фасады, к сожалению, испорчены в недавнее время. Именно при переходе усадьбы в руки Валериана Федоровича Ширкова, художника-любителя шестидесятых годов, дом, выполненный в прекрасном стиле, был, очевидно, признан недостаточно интересным и удобным и вот его «приукрасили» или, иначе говоря, испортили.

Ширков, рисовальщик, ученик Жомини, Базэна, поэт, литератор, составитель «Альбома Харьковской губернии в статистическом и военном отношениях» (виды Харьковской губернии и церквей, их история, сведения о быте дворян и сельских хозяйств и т. д., неизданная рукопись, находящаяся в Хатнем) повинен в этой порче.

Над террасами у мезонинов были сделаны навесы, опирающиеся на стойки из трельяжей. На уступы аттика положены были (очень характерно: гладкие линии их казались некрасивыми, непременно надо было их чем-то уснастить, задекорировать) вырезанные из дерева завитушки в стиле рококо. Гораздо хуже то, что с боков дома пристроены были тамбуры — входы в кухню справа и в переднюю слева. А со стороны сада колоннада «забрана» переплетом в мавританском стиле, и сбоку пристроена безобразная башенка с зубцами. Колорит дома, к счастью, уцелел —

розовая, приятная окраска мило гармонирует с белыми колоннами и с черными (ложными) окнами антресолей.

Внутри дом, очень вместительный и представлявший, судя по акварелям Ширкова, великолепные *interieur*'ы, ныне переделанный тем же В. Ф. Ширковым, являет собою какую-то смесь мавританского (*bois sculpte*) с готикой.

Хороши хрустальные люстры стиля *Louis XVI*, в гостиной отличные зеркала, в рамах этого же стиля, столики и шкафчики, часы и канделябры *empire*. Последние – лучшего мастера.

В доме, к счастью, уцелела лестница с отличными поручнями и балюстрадой. Самый зал более или менее отвечает тому характеру, который запечатлел на рисунке Ширков: пилястры коринфского ордера членят стены, карниз хотя суховат, но правилен. Но опять-таки не подходят вставки в мавританском стиле.

Перед описанной усадьбой по другую сторону дороги разбит полукругом прекрасный сад. Он как бы входит своим планом в общий план усадьбы, которую лишь разделила дорога. С площадки, на которой разбит этот сад, открывается красивый вид на окружающую местность, овраги и леса. Здесь было место старого дома, разобранного до основания в 70-х годах Ширковым. Также входя в общий план усадьбы, расположена стильная церковь с колокольнею, построенная в 1779 году И. И. Зарудным. Дорога разделяет эти два сооружения. Кажется, что храм был классической архитектуры и подвергся позднейшим изменениям: едва ли в 1779 году был построен такой дорический *empire*'ный портик? Но план церкви и особенно почти круглый барабан с высоким куполом и верхним фонарем – вполне соответствуют эпохе. Колокольня, очень интересная по формам, с высоким острым шатром и четырьмя портиками, в своей верхней, слегка готической части и рустованными углами напоминает вполне время Екатерины II.

И церковь, и колокольня расположены очень живописно, на холме: отсюда открывается прелестный, типичный украинский вид на село. Вокруг церкви живописно разросся сад.

Великий Бурлук, имение в степной части Харьковской губернии, бывшее Донец-Захаржевского, ныне Е. В. Задонской.

«До 1680 года земли по реке Бурлуку были заняты старшинами Харьковского полка, а потом перешли в поместье полковнику Конст. Григ. Донцу, и укреплены за сыновьями его царской грамотой». Каменные службы построены Яковом Михайловичем Донец-Захаржевским, церковь с 1826 года по 1839 год строилась Андреем Яковлевичем Донец-Захаржевским.

Деревянный дом начат постройкою им же, окончен генералом Воином Дмитриевичем Задонским (около 1835 года), женатым на Елисавете Андреевне Донец-Захаржевской, дочери строителя церкви. Дом начат был постройкою еще при жизни отца Андрея Яковлевича – Якова Михайловича. По этому поводу существует следующий рассказ (у Филарета). Яков Мих. Донец не владел руками много лет. Но когда он захотел благословить сына на постройку дома (церкви?), к нему вернулась способность владеть руками.

Общий план усадьбы нетрудно уловим. Прямо против дома, продолговатого и сравнительно большого, по оси с ним, но вдали на холме, на виду – храм. Очевидно, место, удачно выбранное, было взято в зависимости и от дома. Дом и храм – две конечные точки оси. По этой линии расположены и въездные ворота, каменные, немного грубоватые, но типичные. Налево от них кордегардия (готическая). Вблизи дома направо – оранжерея (под углом к основной оси), а слева – всякие службы. Позади дома прекрасный сад.

Прежде въезд в усадьбу и был через ворота, так как здесь пролегает до сих пор, уже теперь потерявший значение, почтовый шлях. Позже, с проведением железной дороги – въезд в усадьбу ближе, устроили ворота сбоку, и вот, приближающемуся обозревателю уже не удается испытать того впечатления, которое испытывали подъезжавшие к усадьбе со стороны большака.

Разновременность постройки сооружений усадьбы Великий Бурлук очевидна не только из этих исторических дат. Несомненно, что службы, ворота при рассмотрении их более ранние, дом построен позже. С другой стороны, в удивительной чистоте и изяществе линий фасадов дома и церкви есть что-то общее: видна рука одного мастера.

Дом производит впечатление каменного, так идеально пригнаны доски обшивки, такой подобранный чистый лес был использован для нее. Единственным его украшением является портик. Колонны его поставлены на высокий пьедестал. Посредине помещен балкон. Фронтон образован прекрасными линиями карнизов с модульонами. Фриз идеально расчленен триглифами. Все профили двухэтажного дома нарисованы деликатно и не только правильно, но даже образцово. Оригинальною деталью являются ставни-жалюзи, почти никогда не бывшие в употреблении в наших постройках и явно занесенные из Парижа или из Италии. По верху дома в виде аттика тянется железная, хорошего рисунка, балюстрада. Тоже железная, но еще более тонкая, слегка готическая по стилю балюстрадочка балкона поставлена между колонн. Все так просто, гладко, спокойно, что даже окна обрамлены самыми простыми, гладкими наличниками. Только на боковых частях дома наличники окон второго этажа богаче: с карнизом наверху и с балясинами снизу.

Цоколь этих частей разрустован таким образом, что над окнами получены прекрасно нарисованные перемычки с замками.

Очень эффектен вид на колоннаду портика вблизи, когда видна нижняя сторона террасы, обработанная кессонами. Великолепен импозантный подъезд, помещенный в нише с колоннами позади колонн портика. Если смотреть, поднявшись на ступени подъезда, то отсюда открывается прекрасный вид на сад, цветник и церковь вдали, среди как бы расступающихся деревьев въездной аллеи.

Фасад со стороны сада также очень гармоничен. Здесь портик из колонн и отвечающих им пилястров (лоджии нет) имеет несколько другой вид, нежели со стороны въезда, т. к. цоколь ниже. Окна все с наличниками. Нет окон антресолей – и гладкая стена прекрасно гармонирует с белым портиком. Боковые части украшены тройными «венецианскими» (вернее, виченцкими, палладиевскими) окнами, поверх которых – полукружие, обработанное кессончатыми розетками.

Дом окрашен в светло-коричневый тон, прекрасно гармонирующий с белыми колоннами. Внутри просторные, светлые, но уютные комнаты. В столовой портреты В. Н. Задонского, его жены Е. А. Домовая церковь устроена в 40-х годах. Оранжерея имеет вид двух башен, соединенных собственно теплицами. Очень просты, но милы ее формы.

Сараи каретные и пр. также классической архитектуры. Один из них имеет вид длинной глухой аркады с прорезанными в арках маленькими окошечками. Другой – двухэтажный со столбами в средней части и двумя выступами вполне грамотной обработки. Кордегардия у въездных ворот – сооружение небольшое, но чрезвычайно красивое. Окрашенная в белый с желтым тона, она отлично рисуется своими деталями в стиле готики.

Высоко на холме, видный отовсюду, расположен Преображенский храм. По словам владетелей усадьбы (документы не сохранились, планов церкви тем более нет), строителем-архитектором был Никуатов, строитель Чугуевской церкви и «дворца».

Быть может, действительно строитель Чугуевских, времен Аракчеева, построек и Бурлукской усадьбы был один и тот же мастер, но в подлинности приведеного имени мы усомнимся. Едва ли такое первоклассное сооружение, как церковь в Бурлуке, могло быть воздвигнуто без участия лучшего мастера. А что Никуатов мог быть наблюдающим за постройкою, подрядчиком, техником, наконец, помощником автора сооружений, данных, оспаривающих это предположение, конечно,

нет. Едва ли только церковь принадлежит тому же автору, что и чугуевские «ампиры». Скорее дом в Бурлуке и ряды, домики и храм Чугуевский имеют что-то общее. Что же касается храма, то проект его скорее принадлежит действительно зодчему Аракчеева, но никому другому, как самому В. П. Стасову или, в крайнем случае, ученику Воронихина, ибо именно его вкусом, его техникой исполнено это сооружение, отдаленно напоминающее колоннаду Казанского собора.

За возможность участия в постройке храма лучшего мастера тех времен говорит и следующее обстоятельство: Андрей Яковлевич Захаржевский, начав постройку храма в память умершей жены своей, которую очень любил, ничего не жалел для постройки, не торговался с мастерами. Он говорил: «Я строю храм для Бога, бери, чего стоит труд, только делай по совести для того же Бога». Когда его спрашивали: «Во сколько ему обошелся храм?» — говорил: «С Господом счета не вел, а желал только, чтобы приятна была ему моя жертва».

Из этого широкого отношения к делу можно заключить вполне, что Захаржевский не постеснялся отдать высокий гонорар лучшему архитектору, только бы было построено хорошо и прочно.

Так и вышло: храм, действительно, п о р а ж а я своей красотой и сохранностью, убеждает в том, что он был построен из лучших материалов и по всем правилам архитектуры того времени.

Церковь Преображения состоит, собственно, из храма, колокольни, соединяющейся с ним колоннады и, кроме того, двух построек служебного характера, расположенных позади алтарной части, на углах участка, занятого церковью. С фасада на колокольню, трехъярусную и довольно стройную, хотя менее удачную, чем остальные части церкви, виден дорический шестиколонный портик с прекрасным фронтоном, а с боков, в профиль видны тоже дорические колонны. Хорош верхний ярус колокольни, — «звон», с обработкой его канелированными пилястрами. Сравнение с колокольнею в Аракчеевском имении «Грузино» невольно напрашивается. Усиливает сходство купол со шпилем и подобие ниши во втором ярусе. Издали, совершенно так же, как и в Грузине, колоннада, кажется, несет на себе всю тяжесть колокольни. Сходство пропорций и частей, во всяком случае, огромное.

Приблизившись к храму можно вкусить вполне прелесть колоннады портика. Колонны выполнены удивительно тщательно, прочно. Почти за 100 лет не попортилось ни одно барельефное изображение, в метопах карнизы четки и элегантны в своих линиях. Но надо зайти сбоку, чтобы увидеть храм во всем его великолепии.

Колоннада бокового портика колокольни переходит в колоннаду, соединяющую колокольню с храмом, и здесь получается вместе с колоннами других рядов, тоже соединяющих храм и колокольню, — целый лес колонн. Прерываясь для того, чтобы дать место окнам храма, колонны снова возникают как боковые (северный и южный) портики храма.

Самый храм крестового плана с фронтонами на выступающих частях, перекрыт куполом на высоком гладком барабане, прорезанном полуциркульными окнами, в которые вставлены отличные переплеты. На куполе огромное яблоко с крестом: все просто и внушительно.

Вместе с зеленью свешивающихся низко веток деревьев, окружающих живописно храм, вместе с разостланным привольно изумрудным ковром, на котором «играют» белоснежные колонны — храм производит чарующее впечатление. Забывая окружающее, кажется, что все это находится не в глуши Харьковской губернии, не на скромном холме, с которого видна деревушка, усадьба да уходящая вдаль, среди перелесков, дорога, а что вблизи — Священные горы Эллады, берега Агригента, или долина Пестума...

Бегают по камням ступеней ящерицы и напоминают другие камни, древние, священные... Глаза невольно ищут вдали синюю полосу моря, грудь вдыхает жадно степной воздух и кажется, что вот-вот почуешь ароматы трав на холмах Сицилийских.

Тоскливо сжимается сердце при мысли – в каком одиночестве и на какой, в сущности, грубой почве возник этот античный по архитектуре храм! Осенью, в угрюмые, дождливые ночи, зимою, занесенный снегом, печален и красив, горд и строен, и стоек ко всем невзгодам климата, стоящий нерушимо, храм! Благодарностью, восторгом и удивлением преисполняется душа к строителям талантливым и мощным, сумевшим перенести волшебно на Харьковские равнины кусочек древней Эллады. Красота не меньшая ожидает обозревателя при входе внутрь храма. Гулко раздаются шаги по старым каменным плитам. Как редко сохранились такие плиты в церквах! А между тем именно они – идеальное покрытие пола в церквах. Теплые, уютные и по размеру «масштабные» плиты гораздо лучше холодных, распространенных в эпоху Николая I чугунных плит и, тем более, несносных, «метлахских» плиточек, напоминающих ванные комнаты и корридоры.

Внутренний вид храма очень прост. Линии сводов, арок и стен совершенно гладкие. Тем ярче, пышнее выделяется красота иконостаса и колоннады со стороны притвора и в боковых частях.

Иконостас изображает ротонду из коринфских колонн, очень стройных. Царские двери и иконы вставлены между колонн. Лишь орнаментальный пояс украшает всю эту композицию. В антаблемане, поддерживаемом колоннадою, отличен орнамент фриза. Внутри купол этой ротонды обработан отлично кессонами. Ротонда находится в центре другого полукружия, большего радиуса, обрамляющего ее. Обернувшись в другую сторону от иконостаса, видим прекрасно скомпанованную лоджию из двух колонн и пилястр-столбов. Капители колонн пышные, сочные, выполнены блестяще. Орнамент во фризе редко-хорошей лепки.

Выйдя из храма на открытое поле, можно окинуть общим взглядом всю усадьбу на склоне холма. Закутавшаяся в зелень парка, оазисом кажется она среди оголенных холмов. Выглядывают белые стены сараев, мелькают столбы ограды с кордегардией на первом плане и вдали, в глубине аллеи виднеется портал дома. На том самом месте, откуда открывается такой вид, лет 40 тому назад был разбить род сквера и здесь устраивалось катанье. Рисунок, хранящийся в усадьбе, изображает как раз такой момент. В те времена еще не было зарослей сада между домом и воротами, и на рисунке, поэтому, изображена широкая аллея.

Васильевка, имение бывшее Бекарюковых, ныне Е. А. Деларю. Дом и службы расположены на вершине холма над деревней, таким образом, что подъезжая к имению, не только не видно сада, но даже трудно себе представить, где мог бы он расположиться. Позади дома скат, на нем и раскинулся старый чудесный сад с аллеями лип. Проехав деревню, довольно унылую, уже издали можно увидеть всю усадьбу: посредине дом невысокий, но с портиком и импозантной архитектуры, а перед ним по обе стороны вперед вытянулись служебные флигеля, тоже украшенные столбами и даже колоннами. Вокруг – оголённая местность, красные обнаженные склоны холмов, размытых дождями. Жалкие, обглоданные ракиты у ручья.

Въехав в обширный двор, имеющий характер хозяйственный, а не вид *cour d'honneur*'а, сразу ощущаешь настоящую усадебную жизнь. В этом смысле Васильевка типичнее, нежели Графское или Хотень. Как имение, такого же характера – Бездрик: со стороны подъезда все хозяйство, а с противоположной стороны дома – парк и услада жизни.

В Васильевке черты этих двух сторон усадебной жизни выражены блестяще. Все деловое сконцентрировано перед главным подъездом. Здесь фасад украшен лоджией, очень удобной для приема помещиком крестьян, перед портиком очень милые и курьезные фонари на тумбах, выдвинутых сильно вперед. С лестницы видны все службы: хозяйство, так сказать, на виду бдительного ока помещика.

Прекрасный фронтон замыкает портик. Над окнами – перемычки, удачно разрустованные. Оригинальны крупные модульоны карниза, проходящие вокруг всего дома и придающие

архитектурной обработке сочный, хотя несколько отдающий «провинциализмом», характер. Прекрасна и типична картина, открывающаяся из лоджии. Между фустов колонн белеют столбы и фронтоны амбаров, сараев, домика управляющего. *Ensemble* довольно редкий по своей сохранности, и только позднейшее покрытие кровли (вместо гонтовой или досчатой, вероятно) листовым железом нарушает его. Итак, главный фасад не столько красив, сколько типичен: он так и просится на декорацию постановки какой-нибудь пьесы из помещичьего быта. Сбоку дома помещены красивые, стройные портики из четырех дорических колонн – это боковые входы в дом. Фасад, открывающийся со стороны неожиданно тенистого сада, поражает своим великолепием. Трудно предположить, подходя к дому со стороны входа, что противоположная его сторона будет обработана столь красиво.

Между двух выступов, богато украшенных на торцах (умышленно лишенных оконных отверстий, дабы дать здесь место роскошной лепке), помещается полукруглая ротонда из 6 колонн, покрытая куполом прекрасного силуэта. С ротонды спускаются две изгибающиеся вдоль цоколя лестницы. Колонны отличного ордера. Карниз хотя полон слишком смелых, крутых рельефных модульонов, но здесь, при глади стены, становится понятна задача мастера дать сочное, венчающее «пятно».

Хотя все размеры дома очень невелики, но пропорции взяты удачно, и ротонда, тактично помещенная, отнюдь не кажется «затиснутою» крыльями. Окна прорезаны смело и только рустованными перемычками отделяются от стен.

Совершенно единственною представляется обработка стен на выступах. Здесь нижняя разрустованная часть поля стены расступается посредине, чтобы дать место плоской нише, в которую вставлена другая деликатно прорезанная ниша с лепкою внутри ее. Лепка изображает жертвенник с вазой наверху, перевитой змеею. Отношение гладкого, высокого цоколя, к полю рустов, радиуса арки к размерам всей стены, наконец, масштабность барельефа – изобличают несомненное участие в постройке лучшего мастера. Мохнатые, темные, хотя и не очень старые ели прелестно оттеняют нежность выполнения архитектурной отделки.

Внутри дома обработка комнат также очень нежна и вообще удачна. Пропорции зала, гостиной содержат в себе какую-то неизъяснимую прелесть, отдающую стариной и напоминающую *interieur*'ы, которые нам оставили от 30—40-х годов Зеленцовы, Венециановы, Тропинины и другие.

Особенно богата отделка гостиной: здесь прямая арка поддерживается ионическими колоннами. Карниз правильного профиля. В комнате мебель (но есть отдельные предметы: комоды, трюмо, шифоньерки, часы, вазы, канделябры и более старинные) – типичная для 50-х годов.

Прекрасны типичные портреты, напр., Е. Е. Времевой и В. И. Шретер. Особенно хорош портрет, запечатлевающий несколько полные, но стройные, «литые» формы молодой женщины (как любовно, «смачно» выписана рука «с круглым, лоснящимся локтем», как тщательно нарисованы розы).

Костюмы молодых женщин, легкая кисея, бархатка, прически – как все это типично и какой все это богатый материал для современных исследователей, художников, режиссеров. А таких портретов в имениях Васильевка, Бурлук и др. огромное количество.

Особенно хороши в доме печи – высокие, типичные для 20-х годов XIX столетия, т. е. для времени, когда построен был и дом. В кабинете печь, простая по формам, но богато украшенная орнаментальными поясами. Печь в будуаре, напротив, восхитительна своим богатым силуэтом. Она имеет вид колонны, мелко канелированной, на которую поставлена ваза. Пьедестал широкий и богатый, украшен орнаментом, идущим вдоль по полукружьям и гирляндами по бокам, типичными для стиля *Louis XVI*. Видя эти печи, быть может, поставленные еще в конце XVIII ст.,

задаешь себе вопрос: где же существовала эта фабрика, в которой выделывали такие чудесные, полные огромного архитектурного вкуса и такта, «изделия». Существовали ли отделы печей при фабриках фарфора и фаянса, кто были художники, дававшие рисунки, какие мастера выполняли, где находились и кому принадлежали эти заведения – рассадники подлинного художества, ныне украшающие еще многие старинные дома и удостоившиеся даже перевоза в музеи?

На всем огромном пространстве России: и в Вологде, и в Костроме, Смоленске, Киеве, и в глуши Харьковской губернии часто встречаются как будто похожие между собою печи эпохи Екатерины II, Александра I, белые, кафельные, в стиле *Louis XVI* и *Empire*.

Белый Колодезь, имение прежде графов Гендриковых, ныне М. Н. Скалон. От дома не сохранилось следов. Зато усадьбу украшает неплохая церковь, построенная в 1833 году Верой Федоровною Скалон и майоршей Екатериной Андреевной, рожд. граф. Гендриковой. Церковь прелестна по стилю и выполнению. Особенно хорош купол.

В новом доме несколько предметов художественной старины.

Писаревка, имение В. А. Колокольцова, старинная усадьба, к сожалению, испорченная позднейшими перестройками. Уцелела лишь часть (двухэтажная), ныне оригинально перекрытая на четыре фронтона (подобно псковским старинным церквам), но прорезанная стрельчатыми окнами.

Конное, усадьба И. А. Задонского, в степной, холмистой местности. Дом незначителен, хотя очень приятен традиционными колоннадой и лоджеттой. Достопримечательностью имения являются амбары, в разном характере обработки, но все в классике.

Хороши их членения на полтора этажа, выступы, слегка рустованные и ниши в них, окна, прорезанные уместно и где мало, где часто, но всюду тактично и в связи с предназначением. Здесь целый городок амбаров для ссыпки зерна, и эти белые постройки образуют вместе с тополями на фоне сплошь усеянных золотистой пшеницею полей интереснейший усадебный *ensemble*.

В **Волчанске** сохранились до сих пор на окраинах города тоже сооружения, имеющие характер усадеб. Из них дом, бывший Бахметьева (ныне Учительская семинария), положительно красив своим ионическим портиком, настенными украшениями стиля *empire* и лепным фризом. Особенно хороши ворота с тяжелыми устоями и прелестно обработанными, тоже в *empire*, створками ворот.

Дом ныне Женской гимназии прежде Резванова, по своей наружной архитектуре типичен для местного строительства 20—30-х годов. Милы колоннады из тоненьких круглых стоек, образующие лоджии, но подобных домиков мы уже встречали немало. Крыша позднейшая: несомненно, с гонтовою кровлею домик был приятнее и цельнее. Также нехороши, вполне негармонирующие с несколько классическим характером колоннад, наличники окон – не то в русском, не то в готическом стиле.

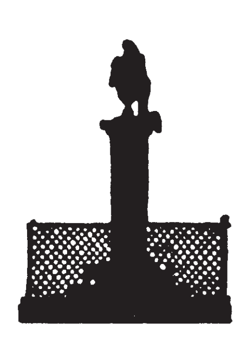
Но сохранившиеся в доме замечательные печи делают его имеющим положительно музейное значение, во всяком случае большее, нежели рядом выстроенный музей, якобы в украинском стиле, а на самом деле напоминающий синагоги Волыни и заключающий предметы старины, может всячески интересные, но только не художественно.

Печи, несомненно, конца XVIII столетия, стиля Екатерининского, т. е. из кафлей, заключающих каждая свой самостоятельный рисунок. Прелестны изображения желтых вазочек с синими и лиловыми украшениями, зелеными листиками и белыми цветами. Еще лучше желто-зеленые, изогнутые растения с сине-зелеными цветами. Долго ли просуществуют эти печи? Не заменят ли их ради экономии в топливе или чего-либо подобного, новыми? Тогда надо непременно отправить их в местный музей, иначе бдительное око антиквара, уже, наверное, давно высмотревшее эти «памятники» художественной старины препроводит их за хорошую цену в столицу.

Кончая описание некоторых усадеб Волчанского уезда, нельзя не коснуться хотя бы в общих словах того строительства, которое если не входило в усадебное, то близко с ним соприкасалось. Быть может, под влиянием его или благодаря даже ему возникли многие усадебные сооружения. Постройки Аракчеевских времен в Чугуеве и Печенегах, рассмотрение которых здесь было бы неуместно (тюрьмы, казармы, богадельни, гостиный двор) и которые воздвигнуты были, несомненно, столичными зодчими, вероятно, насаждавшими архитектурные вкусы и среди местных помещиков (напр., тюрьма в Печенегах по обработке своей архитектуры напоминает – не выражением, конечно, а деталями – фасад дома в Васильевке и т. д.) очень интересны. Самая любовь к колонне, к арке, к классицизму, возможно, получила если не свое начало, то, во всяком случае, побуждающие мотивы именно здесь.

Гораздо теснее сливались в одно целое детали дорожного строительства и усадебные сооружения. В самом деле, до сих пор целы в уезде Аракчеевские традиции, выраженные в постановке каменных столбов на местах скрещивания дорог, полосатые шлагбаумы, полосатые перила мостов, полосатые (черные, желтые и белые) столбики на дамбах.

Из таких придорожных столбов особенно хороший находится неподалеку от усадьбы Гендриковых на пути в Белый Колодезь. К сожалению, время выщербило углы его цоколя, и, не подверженный ремонту, он может вскоре рухнуть.

СУМСКОЙ УЕЗД

Токари, имение А. Д. Игнатьева, ближайшая от г. Сумы усадьба. Она прекрасного плана. Дом двухэтажный с выдвинутым портиком нескольких, почему-то недоконченных, лишенных капителей, колонн. Надо их докончить. Квадратный двор, окруженный служебными флигелями, перед домом идет полукружием, создавая обширный *cour d'honneur*. Пирамидальные тополи, засаженные вдоль каменной ограды, придают характер романтизма всему *ensemble*'ю. Усиливает его почему то неоконченная или разрушенная башня на углу усадебного парка. Из служб очень приятен флигелек с глубокой нишей в тимпане фронтона, с парными колоннами, врисованными в углубление, соответствующее нише фронтона. Первый этаж дома гладкий, полуцокольный. Второй *belle*-этаж прекрасных размеров, весь мелко рустован. В боковых частях (со стороны сада) окна венецианские с полуциркульным средним, карниз в мелких сухариках. Как и в доме Васильевки — тяги карниза фронтона в углах не сопряжены, а оборваны, и это самое трудное место архитектуры — профиль карниза в углах — заделан. Со стороны сада карниз фронтона совсем «оболванен», т. е. упрощен и довольно груб. Колонны также без капителей. Цоколь колонн хорош. Балкончик с лестницей, спускающейся в сад, украшен милой решеточкой. Во всяком случае ясно, что выполнение дома производилось вне надзора художественно развитого и опытного строителя.

Внутри хорош набор мебели (хотя поздней) карельской березы.

Железняк, имение бывшее Кирьяковых, ныне Золотницких. Расположено у подножия довольно высокого холма, в чудной лесистой местности. Прекрасный фруктовый сад, старинный парк окружают со всех сторон усадьбу. Особенно хороши огромные, старинные тополи и ели близ самого дома, растущие на круглой клумбе. Въезжая в ворота, видишь белые колонны главного дома, мелькающие между исполинских стволов. Над домом спереди и позади свешиваются и переплетаются ветви и образуют живописную картину. Эффектный, полукругом бегущий подъезд к дому сразу открывает перед нами длинный одноэтажный фасад с восемью колоннами и гладкими, обрамленными пилястрами, боковыми частями. Фасад заключает в себе что-то французское и несколько напоминает дом в Хатнем. По крайней мере он тоже одноэтажный и с рядом колонн (прежде 12, теперь 8, четыре заделаны входами), образующих веранду, или лоджию. Главный фасад дома в Железняке совершенно однотипен с упомянутым фасадом. Ордер колонн дома в Железняке ионический, посредине прекрасно помещена лестница, аттик украшен орнаментом. Между колонн, прекрасно выполненных, — железная решет-

ка простого, но стильного рисунка. Со стороны сада фасад проще. Здесь тоже два выступа по краям. Посредине – портик из четырех колонн, покрытых фронтоном и образующих лоджию. Окруженный лиственницами, тополями и елями дом производит чарующее впечатление. По обе стороны главного фасада расположены флигеля. Слева два домика с четырехколонными портиками. Справа – оранжерея. В доме хороши некоторые предметы: часы-*pendule*, портреты, скромны, но благородны печи.

Вдали от усадьбы находится другой, «Подольский», дом на горе этого названия, окруженный фруктовым садом. Этот дом, очевидно, не был докончен постройкой. Стены его остались неоштукатуренными и лишь побеленными, фронтон досчатый, окна без наличников, но тем не менее украшенный двумя портиками, на обоих фасадах законченных; дом вполне мог бы быть одним из удачных типов усадебного строительства Харьковской губернии.

Гречановка и Преображенское почти па границе Сумского и Ахтырского уездов. В Гречановке дом, любопытный своим стилем не то *faux gothique*, не то в раннем русском. Красные стены гармонируют хорошо с белыми наличниками окон и напоминают те почтовые станции шоссейных дорог, которые были воздвигнуты при Императоре Николае I во многих местах России, и окрашены где в желтый с белыми тягами, а где в коричнево-красный с белым, а равно все украшены на аттике черным, чугунным, распластанным орлом. Церковь Преображения в стиле *empire* очень простая, но строго выдержанная с куполом, дорическим портиком и особенно красивыми обелисками входов. Вблизи помещичий дом сильно испорченный «украшениями». План его обычный, с двумя выступами и колонками между ними. Но эти колонки попорчены беспощадно приделанными, вырезанными из дерева завитушками. При выезде из села сохранились прекрасные обелиски. Не были ли это ворота когда-то здесь оканчивающейся усадьбы? Состояние их теперь плачевное.

Неподалеку сохранилась и прелестная деревянная башенка-навес в чисто украинском стиле. Покосилось резное украшение на ее верхушке, покривились столбики, поддерживающие шатер. Между тем, это реликвия строительства местного и художественно-непосредственного.

Великий Бобрик, усадьба, известная в литературе (Филарет) еще в 1718 году. Принадлежала генеральше Рахмановой. В 1821 году заложен был храм генерал-поручицею Елисаветою Рахмановой, освященный в 1851 году. Опись от 1783 года указывает на принадлежность усадьбы Кондратьеву. Ныне от этого дома, о котором говорится в описи, не осталось следов, так как дом весь заново перестроен, уцелела только ограда с хорошими воротами. Усадьба принадлежит графине Марии Дмитриевне Апраксиной. В настоящей усадьбе интересна лишь церковь. О ней мы упоминали в описании деятельности Палицына. И действительно, мало вероятно, что Палицын строил ее – здесь формы настолько строго внушительны и мощны, что архитектура храма, несомненно, принадлежит какому-нибудь заезжему мастеру из Петербурга. Во всяком случае, если бы не сравнительно поздняя дата построения, можно бы было допустить участие в постройке Старова или Львова.

Первый этаж изображает три огромные арки среди прекрасно выполненных, тосканского ордера, колонн. На этом ярусе из арок поставлен второй из колонн и выше – звон. Самый храм проще. Но колокольня поражает своим великолепием.

Гребениковка, усадьба когда-то сотничихи Гребенички, позже тоже Кондратьева, сумского полковника, ныне – графа Михаила Михайловича Толстого. Дом, отдельно от всех остальных построек поставленный в прекрасном старом парке, интересен. Он в стиле *faux gothique* и очень напоминает своими деталями английской готики дом в Водолаге, Ширковой.

Бездрик, имение М. А. Алферовой, как усадьба основана в начале второй четверти XVIII столетия. «Благодетель Алферова Марко Елеферович (Ерофеевич?), осадчий села Бездрик по-

жаловал ему грамотою от создания мира 1197 года октября 28 дня». Усадьба состоит из дома отличной архитектуры, нескольких флигелей и ограды с воротами.

Дом расположен у крутого склона так, что сад, опускаясь под гору, нисходит террасами. Въезд в усадьбу очень эффектен. Он состоит из пилонов, ворот, богатейше обработанных колоннами по углам. Рустованные посредине пилоны покрыты фронтонами.

Из ворот открывается эффектный вид на дом, вокруг которого разрослись тополи и посажены шпалеры стриженой акации. Из служб хорош один корпус с колоннами, но он в очень заброшенном состоянии. Если, въехав во двор, оглянуться на эти ворота, они эффектно выделяются на фоне холма, так как сразу из ворот дорога круто ведет под гору. Дом двухэтажный. Портик из четырех дорических колонн. Фасад со стороны сада удачнее: портик доминирует сильнее. На уровне пола второго этажа устроена терраса с хорошей решеточкой, с терассы открывается чудный вид. А с первого этажа спускаются лестницы, увитые виноградом. Перед ними, сбегая к долине, разбиты чудесные цветники, оберегаемые громадными елями, пихтами и иными деревьями. В доме много хороших старинных вещей.

Замечательны вазы (с гербами Куликовских и Алферовых), изделия Императорского фарфорового завода. С одной стороны их гербы, с другой — портреты. Отличны кружки. Интересны огромные старинные диваны-самосоны. В доме вообще много предметов, сохраняющих дух минувшего: лежанки, лампы 40—50-х годов, сонетки, бобики и т. д. и находится даже грамота, данная Алферову на имение Бездрик при Иоанне, Петре и Софии, т. е. в конце XVII столетия.

Отлична церковь тех времен, находящаяся на горе, против усадьбы. Она типичного украинского стиля с изогнутыми куполами, портик ее — из тоненьких колонок. Иконостас — великолепнейший образец украинского художества XVII века. Прекрасны резные гроздья винограда, из которых сделаны все колонки. Типичны изогнутые под углом арки над иконами, и великолепны царские врата с государственным орлом, хороша старинная люстра.

Кровное, усадьба Н. Н. Баженова. Вполне типичный домик в стиле ампир. Средняя часть дома поднимается, образуя мезонин. Окна украшены ионическими полуколоннами, образующими портик с фронтоном. На фасаде со стороны сада колонны выдвинуты сильно вперед, и образована терраса. Милый, уютный входик под навесом. Внутри хороши печи с орнаментальным бордюром. Старинный портрет основателя усадьбы Баженова.

Старое Село, усадьба, бывшая Зборомирских, ныне В. И. Лихачева. Местность вокруг унылая, вида никакого. Отчасти это отражается и на *ensemble*'у усадьбы. Помещичий дом заново перестроен. Но сохранился старинный дом, о котором упоминалось подробно выше.

Дело в том, что о Старом упоминается уже в 1732 году: в переписи этого года говорится, что Старое населено было в 1642 году. Оно действительно самое старое из поселений Сумского полка. Здесь жил Герасим Кондратьев, впоследствии знаменитый Сумский полковник.

И до сих пор сохранился с тех времен каменный храм (св. Николая), построенный в 1753 году полковником Степаном Ивановичем Кондратьевым, и, что особенно ценно, дом тех же времен, одной архитектуры с церковью. Ныне служащий амбаром для ссыпки зерна, с достройками нижнего этажа (гараж?), производившимися в 1914 году в июле, дом этот — несомненная, наиболее ценная реликвия усадебного строительства Харьковской губернии. Почти нет сомнений в том, что он служил жилому предназначению, на что указывают и архитектура его, и план. Когда-то по обработке стен он напоминал архитектуру так называемого Дворца Бирона или Тучкова (Пеньковаго) буяна в Петрограде. Время сооружения обоих зданий как раз совпадает. Не был ли и один архитектор? Ныне домик с добавленными к нему позднейшими деревянными галереями второго этажа носит несколько иную физиономию, чем прежде. С западной стороны он имеет вход и два окошечка первого этажа между рустованными пилястрами. Во втором

этаже одно окно заделано. Все наличники типичного стиля начала второй половины XVIII столетия: переход от барокко Елисаветинского времени к стилю *Louis XVI* Екатерининской эпохи. Карнизы уже последнего стиля с мелкими сухариками. С южной стороны сохранился рундук, пережиток древнего русского обычая (вверху, к сожалению, надстроенный). В нижнем этаже двери с железными створками. В окнах сохранились железные переплеты. Наверху было шесть окон, теперь четыре: одно обращено в дверь, одно заделано. Вообще низ служил, вероятно, в те времена складом, а верх был жилым. Общие пропорции дома очень уютны и типичны.

Колокольня церкви с двойным рядом рустованных угловых пилястр, храм перекрыт на четыре фронтона, с многоугольным барабаном и куполом. Карнизные тяги мелкого профиля. В плане у храма с севера – гробницы. Очень типичны для стиля эпохи прерванные тяги фронтона и вставленные в них круглые оконца. Во фризе маленькие, курьезные триглифы. Хороши железные кованые ворота. Хорош оригинальный крест на главке колокольни с атрибутами страстей Господних.

Кроме этих «памятников», в Старом Селе интересен конный двор (завод) в позднем стиле: смесь мавританского и русского. Огромное сооружение с четырьмя куполами производит очень своеобразное впечатление и, очевидно, спроектировано незаурядным мастером.

Писаревка, в живописной местности у подножия холма, с которого открывается чудный вид на долину. Наряду со Старым может быть отнесена к числу старейших усадеб губернии. Несомненно, дом построен в царствование Екатерины. На это указывает прежде всего общий, типичный для того времени, план длинного одноэтажного корпуса с приподнятой серединой. Перекрытие шатрообразное, наличники окон похожи на наличники того же «Биронова дворца» и дома в Старом Селе: два окна заложены – это указывает на несовершенство старинного плана.

И действительно, исторические данные указывают на то, что имение это, принадлежащее наследникам А. А. Савич, в вотчинное владение пожаловано было еще писарю Сумского полка Андрею Мартынову Савич, как награда за службу царям Алексею Михайловичу и Михаилу Феодоровичу еще до 1676 года. Была построена и церковь в 1745 году (ныне перестроенная в русском стиле). Перед домом хороший двор, усаженный деревьями. Позади парк. Сохраняются позднейшие ампирные службы (с колоннами-крылечками) и башня в стиле готики.

Николаевка, ныне барона Н. А. Штакельберга. Образец готического дома эпохи Николая I. Фасад в виде портика из трех стрельчатых арок, образующих лоджию.

В великолепном парке близ дома в саду – мавзолей, не очень старый по дате, ибо он построен в 1879 году в курьезной классике. Церковь, построенная в 1824 году, – хорошей архитектуры.

Кекино, усадьба, основанная в половине XIX столетия Павлом Александровичем Миклашевским, ныне – В. Д. фон-Лорец-Эблин. Большой дом заново переделан, но малый сохраняет формы и пропорции старинного, уютного дома и внутри заключает много хороших полотен голландской школы и мебели 1850-х годов, богатая люстра *empire*, зеркало жакоб.

Куяновка, имение бывшее Куколь-Яснопольских, ныне принадлежит Е. Прянишниковой.

Со стороны подъезда круглая клумба, усаженная всякими кустарниками. Среди деревьев – елей, пихт, богато разросшихся вокруг дома, белеют колонны полукружием выступающего портика. Ротонда эта из четырех канелированных, не очень хорошего по исполнению ордера, колонн, тем не менее покрыта оригинальным куполом с вышкой и образует чудесную веранду во втором этаже. Это лучшее место всего дома. Так же хороша и внизу лоджия – в ней прорезаны три двери с мелким (позднейшим) переплетом. Освещенная солнцем ротонда с глубокою щелью в нише очень эффектна.

Со стороны сада дом менее интересен, хотя дата его построения может восходить к 40-м годам XIX столетия: очевидно, был неудачный архитектор. Здесь интересны лишь фронтончики выступов с полукруглыми оконцами. Все остальное — не архитектурно, особенно жиденькие чугунные стойки, подпирающие выступ балкона. Неуместна и пристройка оранжереи (вспомним для сравнения великолепные оранжереи Графского).

Но интересны зато садовые «украсительные» сооружения: мавзолеи, ворота, беседки. Прекрасная часовня (в Куяновке Траскина) с тосканской, окружающей самое помещение часовни колоннадой и куполом указывает на участие хорошего мастера. Окруженный соснами античный храм производит очень сильное впечатление. Мавзолей дорического стиля, колонны его ордера тяжелые, мощные. Канелированные с огромными капителями, они примыкают к рустованному полю стены. С одной стороны мавзолея 4, с другой — 6 колонн. Между средними — проход. Сооружение это — одно из наиболее ярких и чистых по стилю в Харьковской губернии. Виден отличный мастер, спроектировавший этот храмоподобный мавзолей.

Арка в парке суховата по выполнению. Колонны, излишне поднимающие середину, не имеют баз, и кажется, что прогнутся — так тонки. Капители их вовсе плохи. Но общая композиция из рустованных антов и колонн симпатична. Видно, мастер, сооружавший дом и эту арку, был один и тот же. Очень стильна и курьезна китайская беседочка, быть может, воздвигнутая под впечатлением Китайской деревни в Царском Селе. Церковь позднего времени, вероятно 50—60-х годов. Колокольня увенчана хорошим куполом со шпилем.

Куяновка, И. Д. Траскина, усадьба, примечательная тем, что здесь сохранился нетронутым старый низенький, одноэтажный дом местного стиля с огромной гонтовой крышей. Еще недавно на подобных домах была соломенная крыша, столь характерная для помещичьих домов Украины начала XVIII в.

Стецковка, дом старинный с воротами и оградой 40—50-х годов. Особенно хороша церковь стиля *empire* и гробница около нее, тоже классического стиля с полукруглыми окнами и куполом.

Хотень, одна из примечательнейших усадеб всей России, расположенная в очень живописной местности. Уже по дороге из соседнего имения Писаревки, поднимаясь в гору, вдоль обширной, изумрудной, травою поросшей долины, можно любоваться открывающимся видом. Въехав в Хотенский парк и подымаясь еще выше пологой дорогой, пролегающей между старинных деревьев чудесного барского парка, то состоящего из зарослей, то перемежающегося лужайками, в открытых местах, снова любуешься дивной панорамой. На самом верху холма, где расступаются деревья, давая обширную зеленую площадку, расположен дом. Остальные постройки усадьбы также в стороне. Подъезд к дому с другой стороны по аллее, ведущей к воротам.

В царской вотчинной грамоте от 24 апреля 1703 года, данной полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву, слобода Хотень упоминается в числе имений, полученных в наследство после полковника Герасима Кондратьева. «На кринице Хотени село Новая Слобода и церковь св. Ап. Петра и Павла и двор его полковника да мельница». «Ныне в Хотени каменный храм Успенский: он построен в 1786 году Андреем Андреевичем Кондратьевым. Из Хотенского архива опись недвижимого имения умершего Лейб-Гвардии корнета Андрея Андреевича Кондратьева 1783 года село Хотень, в нем церковь каменная, господский дом о 2 покоях, крыт соломою». (В Хотени, в главной конторе еще недавно хранился очень обширный архив.)

Итак, имение Хотень переходило из рук в руки членов одного и того же семейства, т. е. оставаясь в семье Кондратьевых: от Герасима, известного Сумского полковника, получил Хотень его сын Андрей, далее его сын Василий, и, наконец, имение перешло к правнучке его, Анне Андреевне Кондратьевой, вышедшей замуж за М. И. Камбурлея, который и был основа-

телем усадьбы и строителем чудного дома. Далее ее дочь, в замужестве Бутурлина, унаследовав Хотень, передала его дочери своей, Анне Дмитриевне, вышедшей замуж за гр. П. С. Строганова, которому имение и перешло пожизненно, причем суд в результате длинного процесса о наследстве утвердил за отсутствием прямых наследников целую плеяду отдаленных родственников, частью обнищалых, продавших свои доли наследства еврею Шкопу. Недавно имение и усадьба куплены сумским землевладельцем Лещинским.

В 1914 году летом, когда усадьба еще служила яблоком раздора наследников гр. Сроганововой, ничего уже не оставалось в доме из убранства его, кроме поломанных рам (от картин), надписи на которых, однако, указывали на то, что Рубенс далеко не был наиболее редкою жемчужиной собрания.

До последней степени разрушения дошел дом и снаружи, и внутри, а мебель была распродана управляющим, и лишь малая часть ее, уцелев в пределах Харьковской губернии, находится ныне в Доме Дворянства в Харькове, в усадьбе Михайловка, гр. Капнист, в Лютовке у гр. Клейнмихеля, в имении Ребиндера, у насл. П. И. Харитоненко и др.

Что касается самого дома, то степень запустения, в которую пришли его наружные фасады и *interieur*'ы, граничит с полным разрушением. Причины тому были не только в климатических невзгодах и в отсутствии долгое время ремонта (покраска крыши, оштукатурка стен), но и в злостном и небрежном, грубом и бессмысленном отношении к дому управляющего и людей, имевших отношение к заведыванию домом. Использовать залы нижнего этажа под склады зерна, верхние залы под прачечные и кухни детского приюта-санатория — это и есть то, что называется вандализмом! Попорченные распором от тяжести зерна, стены нижнего этажа дали трещины, осыпаться стали расписные плафоны, а наверху, вследствие течи через потолок, отвалились огромные куски живописи. Оторваны (вследствие отсутствия надзора) бронзовые украшения на каминах, вырваны с мясом целые куски мрамора, полы дивного паркета, заливаемые водой, пришли в совершенно негодное состояние. А между тем ничто не вызывает сомнения в том, что дом этот, — созданный Михаилом Ивановичем Камбурлеем, бывшим Курским, потом Волынским генерал-губернатором, — построен был при участии лучших мастеров того времени. И если фасады и вообще вся архитектура была плодом творчества Гваренги, то роспись плафонов принадлежит лучшим фрескистам той эпохи.

Столь популярные за последнее время Ляличи нисколько не превосходят, как мы это увидим сейчас, ни достоинством своей архитектуры, ни росписями, ни печами — Хотени, имеющей право занять первое место между лучшими усадьбами южной России — Кочановкою, Батурином, Сокиренцами, Диканькою, а по росписям не имеющей себе равных, кроме Ляличей. В дополнение к описанию картины, постигшей дом (по сведениям, и ныне, т. е. в конце 1916 года, несмотря на переход усадьбы в одни руки, состояние ее остается прежним), остается, как курьез, прибавить, что несколько времени тому назад дом едва не был продан на кирпич для постройки храма. Лишь расхождение в цене (давали 3 тысячи, хотели 4) избавило дом от гибели. Но что будет дальше, какая судьба ждет его при новом владетеле, пока неизвестно...

Со стороны главного подъезда, т. е. если подъезжать дорогой от ворот, ныне (в 1914 году) заколоченных, усадьба представляется в смысле своего плана следующим образом.

Не доезжая главного дома, направо и налево двухэтажные флигеля с ионическими четырехколонными портиками. Посредине между ними круглая клумба, в глубине ясно виден фасад дома на фоне парка, главным образом расположенного позади дома, но также и с боков. На значительном расстоянии от дома направо, под горой, расположены флигеля, запасные службы и сараи. Оранжереи (ныне имеющие вид руин) налево, также вдалеке от дома.

Такое разбросанное расположение служб может быть объяснено тем, что дворец так велик (87 комнат), что, имея в виду два флигеля, являлось совершенно достаточным распо-

ложить здесь и весь штат прислуги, и всех гостей. Что же касается хозяйственной стороны имения, то она умышленно была удалена от дома, ибо Хотенская усадьба являлась настолько парадной резиденцией, что вовсе было бы не в характере, подобно Васильевке, рядом с домом иметь и сараи, скотный двор и т. п. Из сравнения усадеб хотя бы одного Сумского уезда мы видим, что чем усадьба была скромнее, тем ближе к дому, почти вплотную к нему располагаемы бывали службы. И наоборот, в Графском все служебные постройки были выведены на особую улицу и т. д.

Чтобы перейти к описанию дома, скажем только, что из служебных помещений интересны две-три постройки с колоннами и странная круглая, с конусообразным шатром башня: может быть, наиболее старое сооружение Хотеня, еще дней Кондратьева?

Дом по обе стороны имеет почти одинаковые фасады. Только в силу уклона местности портик со стороны подъезда поставлен на цоколе более низком, чем со стороны сада. Соответственно этому и лестница в саду состоит из многих ступеней и забрана пилонами, со стороны же подъезда число ступеней меньшее. План дома «покоем» на обе стороны. Два этажа почти одинаковой высоты. Нижний этаж рустован. Все окна разделены пилястрами. Наличники довольно просты и гладки, карнизы сочны, но также просты. Во всех деталях и пропорциях видна спокойная внушительная простота и благородство. Особенно хорош портик из 6 колонн коринфского ордера. Между колонн хотя и деревянные, но отличные балясины.

В тимпане со стороны подъезда гербы Камбурлея: орел с луком в щите, внизу звезда, с боков чудный намет из знамен, все это заключено в венок с пышно развевающимися лентами. Отлична сохранившаяся входная дубовая дверь с розетами и интересною замочною личиною. Со стороны сада тимпан совершенно гладкий. Капители прекрасного выполнения, колонны пропорциональны и скорее массивны. Все черты творчества, изобличающие манеру, вкус Гваренги – налицо. Если добавим к этому, что сходство общей архитектурной физиономии дворца в Хотени и дворцов в Петрограде (Английский дворец) и Александровского (в Царском Селе) отдаленное, но все же существует, а с Мариинской больницею на Литейном проспекте – огромное, всякие сомнения об участии Гваренги отпадают, тем более, что 1) время совпадает вполне: последние годы XVIII и первые годы XIX столетий, 2) Гваренги строил в этих местах (Ляличи, Пануровка и др.) и если не был здесь лично, то его в этих местах помещики знали и могли приглашать его или, во всяком случае, заказывать ему проекты.

Конечно, надо очень пожалеть, что не сохранились чертежи, архивные данные, но это обычное явление, что же касается того, что в издании Гваренги нет проекта дома Хотени, то это объясняется позднейшим, чем время выхода книги в свет, составлением проекта.

Состояние фасадов, как было уже упомянуто, – очень плачевное. Особенно пострадали пилоны лестницы, ступени и рамы, совершенно местами сгнившие. Конечно, не столь большой ремонт нужен для того, чтобы привести дом в достойный его автора и значения вид. Сравнительно простая внешность дома не дает права надеяться увидеть внутри дома такое великолепие отделки, какое существует еще, к счастью, почти во всех парадных комнатах верхнего и нижнего этажей. Как было уже сказано, во дворце до 90 комнат.

Не все были парадными. Наверху залами и гостиными предназначены были служить те помещения, которые выходили в сад (в левом выступающем крыле зал), внизу – несколько комнат тоже со стороны сада и справа, отделка остальных комнат проще, хотя комнатные двери *dessus-des-portes* почти во всех комнатах прелестны.

Вестибюль вместе с началом лестничной клетки обработан в тосканском стиле. Колонны с отвечающими им пилястрами разделяют вестибюль на три части. Стены комнат рустованы. Карниз прост, но изящен. В средней части под аркой, украшенной кессонами, начинается

лестница. Есть что-то общее в обработке этого вестибюля с вестибюлем дома б. гр. Лаваль, на Английской набережной.

Из комнат нижнего этажа, невысоких, но уютных и красиво расположенных, особенно замечательна зеленая (спальня), обработанная коринфскими колоннами, и прелестно расписанная как на потолке, так и на стенах (поясными орнаментами: род Рафаэлевских «станцев» — орнаменты, фигуры, вставленные между ними камеи). В нишах полукупола чудно украшены кессонами.

Другая комната (ярко-синяя) на круглом своем плафоне заключает роспись, изображающую покрывало, с кольцом стрел в центре и орнаментами, вьющимися из-под покрывала. Пояс фриза расписан античными сюжетами, изображающими ангелов, — жертвенники и раковины в полукружиях. Таких круглых комнат внизу две.

Еще одна комната хороша стеной, отделяющей ее от соседней, прорезанной аркой с кессонами. Удачны две, разного размера двери, соединяющиеся в одну с помощью общей арки. Восхитительна роспись янтарной комнаты. Здесь по углам плафона — род алтарей, на которых сложены тирсы и другие атрибуты античного богослужения.

Следующая комната — малиновая, фриз в желтом с лиловым тонах изображает переплетающиеся ленты. Двери — в виде кессонов с розасами. Еще синяя комната, где эффектны сочетания лилового с синим.

Вообще краски до сих пор сохраняют свежесть и в некоторых комнатах положительно создают симфонии тонов — так гармоничны, так ярки тона стен и комбинирующиеся с ними тона фресок. Например, травчато-зеленые стены и дивные белые печи с куполами наверху и скульптурными изображениями фигур посредине и белые же наличники дверей, карнизы, вообще вся лепка.

В комнатах со стороны сада — прекрасные фризы с изображениями резвящихся амуров.

Наверх ведет лестница из каменных плит с чугунною решеткою. Роспись и вестибюля стен, и лестничной клетки grisaille серого, чугунного тона (меандр и пальметты). Наверху — роспись фигур под цвет бронзы (коричнево-зеленого тона), помещенных в ниши. (Вспоминается роспись Веронеза в Виченцких постройках.) Во фризе — расписные, яркие, сочные фигуры между бледными, лепными. Выше богатейший карниз и на потолке опять роспись под бронзу аллегорических, фигурных изображений Аполлона, едущего на колеснице. На верхней площадке — прелестные ионические колонны. Но эти чудесные росписи бронзовых арматур все в трещинах…

Переходим с площадки в комнаты. Сначала в те, что со стороны двора. Белая комната с бронзовыми украшениями. Прелестны печи. Далее розовая комната, с росписью во фризе, изображающей пляски. Треножники и тирсы чередуются с чудными, стройными, задекорированными в легкие ткани женщинами. Печь с орнаментами посредине.

В розовой комнате восхитительны украшения над дверями. Синяя комната с белой лепкой и золотыми украшениями: разве не дивные тона синего, золотого и белого? Печь украшена наверху великолепной вазой с гирляндами. Карниз тяжелый и очень богатый.

Желтая комната — с чудной лепкой во фризе, хотя под этим карнизом (орнаментальным) следует другой расписной (фигурный). Печь — тоже с орнаментами. Как легки, изящны «брошенные» на плафон группы из амуров, розетки.

Комната со стенами под мрамор. Печь вверху украшена колонной (ваза, очевидно, исчезла). Здесь по белому полю фриза — зеленые изображения пастухов, овец, все в стройных стилизованных одеждах. Медно-коричневого тона изображения на плафоне в этой комнате особенно богатым поясом окружают потолок.

В некоторых комнатах не хватает уже частей плафонов — они отвалились…

Голубовато-серого тона зал великолепен сочетанием этого оттенка с золотыми украшениями.

Стройные мраморные колонны, поддерживающие хоры, – коринфского ордера. Зал полон торжественности и спокойствия. Как был он великолепен вместе с люстрами и мрамором каминов, отражающихся в паркетном и редкой красоты орнаментов полу!

Пусты ныне все залы и комнаты дворца...

Летом в 1914 году лишь туберкулезные дети лежали на койках в верхнем этаже; прачечная, кухни и т. п. были устроены в залах. Внизу был своеобразный склад для зерна.

Мебель дворца, как указывалось уже, находится в Харькове. В квартире губернского предводителя дворянства находится мебель одной из зал – белая с золотыми резными украшениями – две гостиных, бильярдная и часть спальни. Этого же «набора» мебель (банкетки, столики и стулья) – в имении гр. Капниста, в Михайловке. Редко изящны орнаменты, увивающие эту мебель. Здесь же кровать, совершенно единственная в своем роде. Карельской березы остов покоится на ножках, изображающих бронзированных сфинксов чудной работы.

В гостиных Михайловки замечательные по оригинальности рисунка кресла, диваны и столики, бюро, часы и каминная решеточка тоже из Хотени. В Лютовке прелестны клавикорды и креслица из Хотени. Лишь некоторые предметы эти указывают на то, как велика была красота дворцовых зал, когда они были обставлены мебелью, украшены бронзою и хрусталем соответствующего их стенам достоинства и стиля.

Миновали годы высокого подъема художественной культуры нашего отечества, и только остатками от великолепия былых времен украшают теперь наиболее культурные помещики свои комнаты. Но много ли таких?

К сожалению, мы не только не можем уж создать чего-либо равного усадьбе Хотень, но даже не всегда и оберегаем старые поместья подобно приведенным примерам. Чаще, как в Хотени, не сумели потомки уберечь даже завещанного им.

Такое отношение к своей собственности, являющейся историческим достоянием России, не может пройти бесследно, достойно возмездия... и рисует нам печальную картину будущего!

БИБЛИОГРАФИЯ

I

ИСТОЧНИКИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ

1. Топографическое описание Харьковского Наместничества 1788 г.
2. Описание Харьковской губернии 1857 г. С. И. Кованько.
3. Историко-статистическое описание Харьковской епархии 1859 г. преосв. Филарета.
4. Из воспоминаний В. Н. Ярославского, статья в «Харьковском сборнике» 1887 г.
5. Старинная одежда и принадлежности слобожан Г-жи Ефименко, там же.
6. Украинская старина, Г. П. Данилевского.
7. Архивы Харьковской губ. Д. П. Миллер.
8. История города Харькова проф. Д. И. Багалея.
9. Очерки из русской истории, его же.
10. Материалы для истории колонизации и быта Харьк., Курск. и Воронежской губ., его же.
11. Заметки и материалы по истории Слободской Украйны, его же.
12. Заселение Харьк. края, его же.
13. Худож. школа в Харькове в XVIII веке, В. И. Веретенникова.

II

ИСТОЧНИКИ К ОПИСАНИЮ УСАДЕБ

Источниками к описанию усадеб послужили: выписки из церковных летописей (клировых ведомостей), семейные хроники и дневники разных лиц. Из последних особенно интересным явился дневник помещика Ширкова, написанный им в 1850—1860-х годах. Подробнейшая литература о Харьковской губернии дана в «Библиографическом указателе», составленном в 1887 году И. А. Устиновым (Харьков. Типогр. губ. правлен.).

Им мы и пользовались.

Обложка, фронтиспис, титульный лист, заставки и все концовки изготовлены по рисунку художника Е. И. Нарбута.

Все иллюстрации сделаны по фотографиям, исполненным самим автором книги, кроме нижеследующих, выполненных по снимкам, любезно предоставленным издателю разными лицами:

Основа (3 снимка), Должик (2 снимка), Лютовка (1 снимок), Малыжино (2 снимка), Матвеевка (2 снимка), Пархомовка (1 снимок), Ракитное (1 снимок), Васильевка (2 снимка), Куяновка (4 снимка), мебель из Хотенского дворца (2 снимка).